

**Коллектив авторов
Александр Семенов
Илья Герасимов
Марина Могильнер**

Изобретение империи: языки и практики

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3092085

Изобретение империи: языки и практики: Новое издательство; М.; 2011

ISBN 978-5-98379-152-7

Аннотация

Изучая различные эпохи российской истории, авторы сборника «Изобретение империи: языки и практики» пытаются ответить на одни и те же вопросы: каким образом, при помощи какого аналитического языка описывалось пространство империи ее современниками? Где находится империя, когда никто ее «не видит»?

Что толку в «объективной» реконструкции структурных отношений господства и подчинения или политики территориальной экспансии, если те же самые структуры и такого же рода политику можно найти в любой другой форме политического устройства и во все эпохи?

Содержание

Введение. Возможен ли конструктивистский подход к истории империи?	4
Александр Филюшкин	6
Екатерина Болтунова	29
Николай Цыремпилов	54
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Коллектив авторов

Изобретение империи: языки и практики

Введение. Возможен ли конструктивистский подход к истории империи?

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает серию тематических антологий, подготовленных по материалам публикаций в журнале *Ab Imperio* за 2000–2010 годы. Первая антология «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма» включала наиболее актуальные работы современных теоретиков имперской проблематики и национализма. Второй сборник («Империя и нация в зеркале исторической памяти») был посвящен иному уровню современного обращения с прошлым: формированию коллективной «исторической памяти» в обществе при непосредственном участии профессиональных историков, идеологов и политиков. В отличие от предыдущих выпусков серии авторы материалов третьего сборника обращаются к попыткам воображения и осмысления феномена империи не в наши дни, а в прошлом. Изучая различные эпохи российской истории (с XVI по начало XX века), они пытаются ответить на один и тот же вопрос: каким образом, при помощи какого аналитического языка описывалось пространство империи ее современниками?

Вопрос этот не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, как и любой другой объект, империя не видна «изнутри»: большая часть теоретических моделей «империи» возникает накануне или после ее распада, с позиции «извне». Подобно господину Журдену, который не задумывался о том, что он разговаривает «прозой», большинству обитателей империи не приходится размышлять о специфике окружающего их общества как империи: достаточно знать, что во главе страны стоит император и страна их официально зовется империей. С другой стороны, чтобы осознать эту «невидимость» и несамоочевидность империи как исследовательскую проблему, современные историки должны отдавать себе отчет в том, что имеют дело не с реальной «вещью», а с контекстуально обусловленным конструктом. Где находится империя, когда ее никто не видит? Что толку в «объективной» реконструкции структурных отношений господства и подчинения или политики территориальной экспансии, если те же самые структуры и политику можно найти в любой другой форме политического устройства – во все эпохи?

Парадоксальным образом, торжество конструктивистского подхода в изучении нации и национализма (приведшее к «денатурализации» нации и национального государства) не сопровождалось параллельной деконструкцией понятия «империя». Существует реальная опасность, что империя может занять ставшее вакантным место основополагающего элемента исторического процесса (в котором «национальный» период занимает всего лишь несколько веков). Стремление к универсальному определению империи в сочетании с расхожей идиомой имперского архаизма способствует ее эссенциализации. Как нигде отчетливо эта тенденция проявляется в исторических исследованиях «периферийных империй», когда нарратив отсталости и инаковости переплетается с негативными или позитивными оценками «имперского предназначения» или «имперского проклятия». От восприятия империи как объективно существующей политической формы, развивающейся по особым законам, один лишь шаг до представлений о реальности «судьбы империи» или «имперской миссии». Вот почему плохая историческая наука (некритичная и архаичная по методам) идет рука об руку с плохой политикой (ультраконсервативной, холистской по мировоззрению и негуманной по целям).

Публикуемые в этом выпуске антологии *Ab Imperio* статьи объединены общим фокусом: авторов интересует, каким образом в разные эпохи, разные исторические акторы пытались выработать язык для описания специфики имперского правления. Точнее сказать, вплоть до начала XX века речь шла о том, как приспособить существующие или доступные языки к описанию не предусмотренных ими реалий: будь то язык Св. Писания в XVI веке (статья А. Филюшкина) или московские традиции визуальной репрезентации власти в петербургский имперский период XVIII века (статья Е. Болтуновой). Взаимоотношение с имперской властью могло вовсе игнорировать реальность империи (Н. Цыремпилов) или выражаться невербально, через социальные практики – впрочем, точно так же, как и зарождающееся чувство национальной общности, еще не оформленное при помощи популярных дискурсов (см. статьи С. Екельчика, А. Ремнева и Н. Суворовой). Довольно поздние попытки рационализировать гетерогенное имперское пространство (статья М. Лоскутовой) сталкиваются с неадекватностью аналитического аппарата современных общественных наук, ориентированных на модель нации-государства, реалиям Российской империи. Важно подчеркнуть, что с крахом исторической Российской империи не исчезла сама «имперская ситуация» как состояние комплексной гетерогенности, когда взаимопереплетаются (еще более усложняя друг друга) одновременно самые разнообразные системы выделения различий: территориальные, этнические, культурные, экономические, конфессиональные, сословные, политические, демографические и т. п. Попытки провести «работу над ошибками» исторической империи после 1917 года в рамках антиимперской политики коренизации в СССР (П. Варнавский) или неоимперских построений эмигрантов-евразийцев (С. Глебов) были отмечены поисками более адекватного языка анализа имперского опыта – столь же ограниченными частичным «видением» империи.

Именно это несоответствие и напряжение между доступными средствами описания и интерпретации имперского опыта современниками, с одной стороны, и социально-политическими реалиями, с другой, и составляет нерв имперской истории – как исторического процесса и как способа его научного осмысления.

Александр Филюшкин Как Россия стала для Европы Азией?¹

Европа и Россия в исторической памяти друг друга осуществляют разные варианты цивилизационной судьбы. С какого момента они стали осознавать различия между собой? В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть самую начальную фазу складывания представлений о русской идентичности в западном мире. Эта фаза в литературе часто обозначается термином «открытие Европой России». С точки зрения человека эпохи Возрождения это было действительно открытие, менее громкое, чем обнаружение за океаном Нового Света, но не менее важное для истории континента. И здесь важно установить, чего в этом феномене было больше: пытливого узнавания чужого мира или вписывания его в заготовленный контекст, применения к нему Западом уже существующих моделей восприятия.

От ответа на последний вопрос зависит постановка очень важной проблемы. Необходимо установить, было ли открытие Европой России в конце XV века вызвано стечением исторических обстоятельств, по сценарию, описанному в ставших хрестоматийными словах К. Маркса: «Изумленная Европа, в начале правления Ивана (Ивана III. – А.Ф.) едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь Московита?»² Или же Европе зачем-то понадобилось «открывать» Россию, этот акт был призван заполнить какую-то вакантную нишу на ментальной карте мира³ эпохи Возрождения?

Ниже мы попытаемся показать, что идентификация Западом России обуславливалась не столько информацией, полученной из этой далекой страны, сколько внутренней европейской дискурсивной практикой. Иными словами, формирование образа России в западном мировоззрении зависело не только от России⁴. Оно отвечало определенным, прежде всего внутриевропейским задачам. Западный мир, в общем-то никогда не испытывавший масштабной оккупации со стороны внешнего врага (все волны агрессии, и арабская, и монгольская, и турецкая, так или иначе гасли на окраинах континента), сам вырабатывал модель, по которой строились его отношения с другими странами и народами. По замечанию В.Л. Цымбурского, Европа смогла «осуществить для себя стремление всех цивилизаций – всту-

¹ Поддержка настоящего проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макаруров (США). Точка зрения, отраженная в настоящей статье, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций, проект КИ 400-3-03.

² Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 6–7.

³ Ментальная карта – воображаемое представление человека об окружающем его пространстве, при котором географические и политические субъекты располагаются не в соответствии с их реальной ролью, а в зависимости от их исторической и политической роли в сознании создателя ментальной карты. Подробнее см.: Downs R., Stea D. Maps in Minds: Reflections of Cognitive Mapping. N.Y., 1977.

⁴ Применительно к эпохе Просвещения эту мысль высказал Л. Вульф (*Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 35, 38). По его мнению, в XVIII в. Запад вторично открыл для себя Восточную Европу. Однако слишком краткий обзор сочинений европейцев о России XVI–XVII вв., помещенный в работе Л. Вульфа (Там же. С. 35–36, 43–45), не позволяет понять, видит ли он континуитет России эпохи Возрождения и эпохи Просвещения. Из чтения книги создается впечатление, что он не обратил должного внимания на преемственность дискурсов в описаниях России у авторов XV–XVI и XVIII вв. На самом деле «изобретение Восточной Европы», описанное Вульфом как феномен XVIII в., в полной мере состоялось в XV–XVI вв., и авторы эпохи Просвещения во многом лишь воспроизводили и развивали стереотипный взгляд на Россию и ее соседей, уже устоявшийся в сознании европейцев за XVI–XVII вв.

пать в контакты с чужеродным миром исключительно на собственных условиях»⁵. Поэтому и отношение к другим народам для Запада было обусловлено не сколько объективным обликом «чужих», столько развитием собственно европейской дискурсивной практики.

Открытие Западом России в конце XV века – это прежде всего проявление сочинения Европой самой себя, поиск христианским миром своей историко-культурной идентичности в эпоху Возрождения. Причем этот поиск осуществлялся по определенной схеме. Ее происхождение связано с более ранней по времени возникновения моделью восприятия Европой Востока. По словам Э. Саида, «Восток помог найти дефиницию Европе, или тому, что мы называем Западом»⁶. Перед нами неоднократно изученный учеными прием: формирование представлений о другом как способ самопознания⁷. Причем, что важно, характер этого самопознания заключался не только в том, что мир-контрагент наделялся чертами, которые европейская цивилизация не имела или не хотела бы иметь. Поиск Европой своей дефиниции во многом зависел от формирования ментальной матрицы, которая накладывалась на отношения с окружающей континент социальной и географической действительностью. Каждому участнику этих отношений заранее присваивалась определенная роль в системе «Европа – Восток», «Европа – Россия». По многим позициям пересмотра этой роли в западном сознании не произошло с XV века и до сих пор. Некоторые ее элементы по-прежнему определяют место России в мире в исторической памяти Старого (а теперь уже и Нового) Света.

⁵ Цымбурский В.Л. «Европа-Россия»: «Третья осень» системы цивилизаций // Политические исследования. 1997. № 2. С. 58.

⁶ Said E. *Orientalism*. N.Y., 1978. P. 1, 7.

⁷ См., например: *Theunissen M.* *The Other: Studies in the Social Ontology of Husserl, Heidegger, Sarte and Buber*. Cambridge, 1986; *De Certeau M.* *Heterologies: Discourse on the Other*. Manchester, 1986; *Beattie J.* *Other Cultures: Aims, Methods and Achievements in Social Anthropology*. London, 1987; etc.

Как европеец узнавал неевропейца?⁸

Для европейского средневекового менталитета при столкновении с чужим миром было характерно его осмысление «по аналогии», то есть через сравнение с каноническими образами и понятиями. Источником последних являлось прежде всего Св. Писание, труды теологов, а также события древней и церковной истории. Они являлись неисчерпаемым эмпирическим фондом для дискурсивной практики.

Первый раз этот механизм дал сбой при столкновении европейцев с мусульманским миром⁹. Чтобы понять ислам, Запад не мог найти подсказки ни в античных текстах, ни в Библии – мусульмане в них не упоминались. Отсюда и попытки привлечь для осмысления восточной темы уже знакомые понятия – «варвары», «иудеи». Возникает и обоснованное Бедой Достопочтенным определение мусульман как агарян, потомков библейского Исмаила¹⁰. Начиная с П. Альваруса и Евлогия получили распространение эсхатологические мотивы в изображении восточных народов, основанные главным образом на Книге пророка Даниила. Недостаток информации вызвал в Европе всплеск интереса к греческому интеллектуальному наследию: греки, как более близкие к Востоку, могли помочь постичь его¹¹. Из Античности было заимствовано описанное Э. Саидом самоощущение европейцев как «особого человечества на особой земле», со всех сторон окруженной варварами (прежде всего это противопоставление относилось к азиатским соседям)¹².

⁸ Вопрос о времени формирования концепта Европы дискуссионен. Большинство исследователей придерживается точки зрения о его формировании в эпоху Просвещения, в XVIII в., хотя многие говорят о «корнях» и «зачатках» европейской идеи в период Ренессанса. Историография вопроса огромна, назовем лишь наиболее интересные из последних работ: *Hay D.* Europe: The Emergence of an Idea. Edinburgh, 1968; *Janne H.* Europe's Cultural Identity. Strasburg, 1981; *Hamerow T.* The Birth of a New Europe: State and Society in the Nineteenth Century. North Carolina, 1983; *Rougemont D.* Vingt-huit siècles d'Europe. Paris, 1989; *Deiànty G.* Inventing Europe: Idea, Identity, Reality. N.Y., 1995; *Williams R.* The History of the Idea of Europe. Milton Keynes, 1995; *Wilson K, Van der Bussen J.* The History of the Idea of Europe. London, 1995; *Davis N.* Europe: A History. London, 1997; *Heffernan M.* The Meaning of Europe, Geography and Geopolitics. London, 1998; *Europe and the Other and Europe as the Other* / Ed. by B. Strath. Bruxelles, 2002; *The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union* / Ed. by A. Pagden. Cambridge; Washington, 2002; *Geary P.* The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002; *Tawada Y.* Where Europe Begins. N.Y., 2002; etc. Не вдаваясь в полемику, заметим, что и в развитие Средневековья, и в Возрождение европеец четко и осознанно отличал себя от неевропейца и, тем более, от представителя восточного мира. Концепт *Orientalis et Occidentalis* своим происхождением был обязан прежде всего последствиям раскола римского мира на Западную и Восточную империи. В раннее Средневековье термин *Occidens* обозначал территории, находившиеся западнее восточной границы империи Каролингов, то есть линии Эльба – Литва. Его использовали для обозначения земель, противопологавшихся Византии. После смерти Карла Великого в 814 г. применительно к региону *Occidens* стал использоваться термин *Eurog*, а после раздела церквей в 1054 г. получило распространение определение *Eurog Occidens или Occidentalis*. Границы этой общности распространились до пределов притязаний Священной Римской империи, то есть до Нижнего Дуная и Восточных Карпат, и она стала синонимом «христианского мира» (*Сюч Е.* Три исторических региона Европы // Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А.И. Миллер. М., 1996. С. 150–151). Для интересующей нас эпохи (XV–XVI вв.) несомненным является осознание себя жителями стран, которые мы сегодня называем западноевропейскими, как принадлежащих к одной общности – *res publica Christiana*, с которой ряд исследователей, в частности, Б. Геремек склонны отождествлять понятие «Европа» (*Geremek B.* La notion d'Europe et la prise de conscience européenne au bas Moyen Age // La Pologne au XVe Congrès International des Sciences Historiques à Bucarest. Etudes sur l'histoire de la culture de l'Europe centrale-orientale. Wrocław, Warszawa, Krakow, Gdansk, 1980. P. 70–93). Объединяющими началами для нее к этому времени считались, помимо религии, *modus vivendi*, культура, в том числе и достижения наук и образования – словом, уже началось формирование понятия об уровне развития, который позже назовут «европейской цивилизованностью».

⁹ Библиография истории отношений средневекового Запада и Востока очень обширна, ее обзор до 1966 г. см.: *Norman D.* Islam and the West: The Making of an Image. Edinburgh, 1966. P. 393–432; обзор последней историографии: *Лучицкая С.И.* Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 8–25.

¹⁰ Исмаил – сын патриарха Авраама и его служанки египтянки Агари, праотец союза 12 племен измаилитов Аравийской пустыни (Быт 16: 2–16, 21:10, 18, 20–21; 25:16, 18). В исламе он отождествляется с Исмаилом, сыном Ибрахима (Авраама), освятившим главный мусульманский храм Кааба в Мекке (Коран 2: 116, 119, 121, 130, 134 и др.).

¹¹ *Southern R.W.* Western Views of Islam in the Middle Ages. Harvard, 1962. P. 4, 5, 14, 19.

¹² *Said E.* Op. cit. P. 54–55, 57.

Однако поиск аналогий помогал мало. Д. Норманом показано, что средневековые христианские теологи применили для обличения мусульманства библейское учение о лжепророках. Европейцы критиковали ислам на основе Св. Писания, в котором о пророчествах Мухаммеда не было ни слова. Но это оказалось неважным: к восточному сопернику Запад применил свои представления о врагах вообще, то есть о том, каким в принципе может быть антагонист христианского мира¹³. Конечно, европейские теории, связанные с осмыслением магометанства, были зачастую фантастичны – чего стоит идея о сексуальных привилегиях мусульман (многоженстве, гаремах) как специальном инструменте разрушения христианства¹⁴. Но они в принципе закладывали направление развития дискурсивной практики осмысления проблемы «неевропейских народов».

В эпоху Крестовых походов все сведения об образе «чужого» просто вписывались в эту схему, выступавшую самодовлеющей силой в продвижении европейцев за пределы Европы¹⁵. В XIII–XV веках при контактах с «новыми чужими» данная схема доминировала в европейском сознании и лишь корректировалась по мере усвоения фактов, которыми нельзя было пренебречь. Например, взгляды на проблему восточных соседей получили в XIII веке новое развитие в связи с появлением монголов. Прежде всего, сместились мировые горизонты. Как писал в «Великой хронике» Матфей Парижский (1200–1259): «С Северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока...»¹⁶ Нашествие из Азии огромных орд пошатнуло европоцентричную модель мира: теперь стало очевидно, что на Западе живет отнюдь не большинство человечества, а лишь его малая, хоть и лучшая часть.

Примечательно, что, несмотря на популярность эсхатологического дискурса в осмыслении монгольской темы¹⁷, появляются концепции как о принципиальной враждебности татар христианскому миру¹⁸, так и об особой исторической миссии «тартар» в распространении христианства. Их воспринимали как потенциально готовых к обращению в истинную веру и особые надежды возлагали на то, что в этом случае монголы выступят «мечом Запада» против мусульманства. Завоевания Чингисхана и его наследников в Азии делали эту мысль особенно соблазнительной.

В 1245 году римский папа Иннокентий IV отправил монгольскому императору послание с призывом принять христианство. Последовал отказ, который вызвал к жизни уже идеи Крестового похода против монголов¹⁹. А в принятии ими мусульманства в XIV веке Европа увидела для себя страшную опасность: ее азиатские враги консолидировались. Недаром в

¹³ Norman D. Op. cit. P. 77–78; Лучицкая С. Указ. соч. С. 70–95.

¹⁴ Southern R.W. Op. cit. P. 28–37; Norman D. Op. cit. P. 17–22.

¹⁵ Подробнее см.: Лучицкая С. Указ. соч. С. 97–121, 142–164, 191–200, 309–313 и др.

¹⁶ Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 135.

¹⁷ Речь идет о переосмыслении библейского эсхатологического топоса и попытках связать появление татар с уже известными пророчествами о конце света. Например, у Матфея Парижского: «...их предводитель утверждает, что он посланец всевышнего бога, для того чтобы усмирить и подчинить народы... питаются они сырым мясом, также и человеческим... в тот год люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища татар... выйдя наподобие демонов, освобожденных из Тартара... словно саранча, кишели они, покрывая поверхность земли. Окрестности восточных пределов подвергли они печальному разорению, опустошая огнем и мечом... они сровняли города с землей, вырубали леса, разрушили крепости, выкорчевали виноградники, разорили сады, убили горожан и сельских жителей» (Там же. С. 135–137, 140, 141–142). Подробнее об особенностях восприятия татар в средневековой Европе см.: Schmieder F. Europa und die Fremden: Die Mongolen im Urteil des Abenlandes vom 13 bis in das 15 Jahrhundert. Sigmaringen, 1994; Юрченко А.Г. Империя и космос: реальная и фантастическая история походов Чингисхана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.

¹⁸ Хроника Матфея Парижского: татары «движутся с тем намерением, чтобы, невзирая на грозящие жизни опасности, подчинить себе весь Запад (Occidentem), упаси, господи, и веру в Христа погубить и уничтожить». А против них должна выступить «Европейская империя» (imperialis Eurorae) – Германия, Испания, Англия, Алемания, Дания, Италия, Бургундия и др. (Матузова В.И. Указ. соч. С. 146).

¹⁹ Подробнее см.: De Rachewiltz I. Papal Envoys to the Great Chans. London, 1971.

XIII–XIV веках возникает миф о том, что татарские завоевания в Европе поддерживались еврейскими поставками оружия (этому в хрониках посвящались специальные рассказы под заголовком «О чудовищном коварстве иудеев»²⁰). То есть в фобиях европейцев объединялись новый и древний враги христианства, что характерно – оба происходящие с Востока.

Поэтому с XIV века на Западе в отношении Востока нарастает ксенофобия и возникает определение его как принципиального врага «христианского мира», источника физической угрозы²¹. Рост турецкой агрессии в XIV–XV веках (в 1354 году османы вышли на европейский берег Дарданелл, а с 1365 года их временная столица располагалась уже в европейском городе Адрианополе) подтверждал правильность подобной позиции.

Турок, как новых пришельцев с Востока, Европа воспринимала по той же схеме. Одновременно с ростом эсхатологических настроений (подкрепляемых падением Константинополя в 1453 году²²) возникают идеи... использования турок в интересах христианского мира. Речь идет о знаменитом письме 1460 года Энея Сильвия (римского папы Пия II) турецкому султану Мехмеду II, завоевателю Константинополя. Послание замечательно тем, что в нем султану предлагается... обращение в христианскую веру. Тогда он станет «императором греков и всего Востока» и величайшим человеком своего времени²³. Однако вторжение османов в земли, находящиеся под юрисдикцией Священной Римской империи, показало утопичность подобных призывов. И в XVI веке Турция однозначно трактуется как смертельный враг христианского мира, хотя при этом в политической практике с этим врагом не гнушались сотрудничать (например, Франция).

Д. Норман отметил, что в отношениях Запада и исламского Востока в Европе очень рано стала преобладать идея силы. Лозунг «наступления на неверных» использовался и той и другой стороной, однако для европейцев ситуация усугублялась ощущением собственного бессилия: против мусульман можно было только обороняться – ни завоевать их, ни обратить в свою веру не получалось. Это остро ставило проблему – почему христианам не помогает Провидение. Отсюда и происходил болезненный интерес Запада к Востоку, и заочная полемика с его религией и идеями, и непоследовательное отношение – от ненависти до концепции «исламского возрождения». Для наступления на исламский мир Европе требовалась определенная «самоиндульгенция», которую формировал и обеспечивал христианский критицизм²⁴. Прежде всего, ислам давал широкий простор для морализирования на темы ритуалов и догматов, государственного и общественного устройства, нравов и обычаев, восточного фатализма и детерминизма, идеи мусульманского загробного воздаяния, очень эмоционально воспринимаемого феминного аспекта²⁵.

Эпоха Великих географических открытий, появление Нового Света вызвали дополнение данной модели восприятия европейцами чужого мира. К ней добавился колониальный дискурс, родившийся из идеи христианского миссионерства в сочетании с экономическими потребностями Запада, открывшего для себя новый источник развития в освоении заморских земель²⁶. Оказалась востребованной античная колониальная история, что проявилось

²⁰ Матузова В.И. Указ. соч. С. 147.

²¹ Southern R.W. Op. cit. P. 42, 45, 65, 68.

²² В «Пророчестве» Мефодия Патарского говорилось, что падение Константинополя есть главный признак скорого конца света. Учитывая, что приближался 7000 г. от сотворения мира (1492 г. от Р.Х.), считавшийся страшным «седмиричным числом», эсхатологической датой, падение столицы Византии в 1453 г. выглядело особенно зловеще, подробнее см.: Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические Видения Даниила в византийской и славянорусской литературе. Исследования и тексты. М., 1897.

²³ Southern R.W. Op. cit. P. 100–102.

²⁴ Norman D. Op. cit. P. 109, 133, 135.

²⁵ Анализ средневековой европейской критики мусульманства по этим направлениям см.: Ibid. P. 135–160, 163–227.

²⁶ Под колониализмом здесь мы понимаем попытку распространения более развитой культуры на менее развитые общности или вообще новые, пустые земли. Он характеризуется прежде всего осознанием колонизаторами своей миссии по

в резком росте интереса к творческому наследию древнегреческих и римских историков и географов.

Данный колониальный дискурс проявлялся прежде всего в том, что Запад воспринимал любой нехристианский мир как младший, недоразвитый мир, как стадию, через которую Европа уже прошла²⁷. Поэтому в подходе к другим культурам, как показал Э. Саид, начинала действовать уверенность в необходимости запуска механизма культурной интеграции, вытекавшая еще из исторической практики усвоения варварами-германцами ценностей древнеримской цивилизации. То есть любая «младшая цивилизация» при столкновении со «старшей», европейской должна у нее учиться.

А если она оказывается абсолютно невосприимчивой к культурному воздействию, не хочет усваивать его или усваивает на понятный только ей самой лад? Значит, перед Европой принципиально чуждый тип культуры, развивающийся по каким-то своим законам, «закрывать цивилизация», с которой и разговор должен быть соответствующий, как с принципиально чуждым и враждебным миром²⁸. Но отсюда с неизбежностью вставал вопрос: а что есть «чужой» мир? Естественным ответом на него было сосредоточить в этом мире все, что противоположно субстанциальным чертам европейской культуры, – то есть чужой мир рисовался как «антикультура», средоточие греха, порока, грязи, мерзости и прочих «антиценностей» христианского мира.

Таким образом, благодаря контактам с чужими (как с исламским миром, так и с Новым Светом) к эпохе Возрождения у европейцев сформировалась определенная модель восприятия иных миров. Открытие чужих народов и стран первоначально предполагало попытку их осмысления «по аналогии», через библейские и исторические образы. Одновременно возникали идеи, как данных «чужих» можно сделать своими, через их приближение к Европе, включение тем или иным способом в христианский мир. Параллельно шло изучение новых соседей. Как правило, этот процесс заканчивался пониманием того факта, что «чужие» все-таки, по терминологии П. Багге, «существенно другие»²⁹. Они в принципе невосприимчивы для культурного влияния. И их нужно тем или иным способом колонизировать или обезопасить, сделать слугами или союзниками. Это понимание оформлялось в устойчивой дискурсивной практике, которая потом начала уже сама по себе довлеть в восприятии других народов и стран.

повышению культурно-цивилизационного уровня колонизируемых территорий или народов. В Средневековье данная миссия обычно осознается как религиозная; но все же, начиная с Античности, она так или иначе осмысливается в плоскости «культура / варварство». Все это сочетается с утилитарно-потребительским интересом колонизаторов к материальным, прежде всего природным и людским ресурсам, которые можно дешево почерпнуть на новооткрытой территории. Древний и средневековый колониализм совсем не обязательно приводит к образованию колониальных империй по образцу нового времени. Он служит, скорее, для расширения границ Ойкумены (примеры – Великая Греческая колонизация, христианское миссионерство среди северных народов). Колониализм нового времени, развивавшийся под кипплинговским лозунгом «Несите бремя белых и лучших сыновей», и неоколониализм, в значительной мере основанный на глобализме, – явления иного характера, обладающие целым рядом параметров и функций, которых не было в примитивном средневековом колониализме. Тем не менее эти феномены имеют много сходного, что и оправдывает применение к эпохе Возрождения термина «колониализм».

²⁷ Ср.: Jones W.R. The Image of the Barbarian in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History. 1971. Vol. 13. № 4. P. 376–407.

²⁸ Said E. Op. cit. P. 70–71.

²⁹ Bugge P. Asia and the Idea of Europe – Europe and its Others // Asian Values and Vietnam's Development in Comparative Perspective. Hanoi, 2000. P. 3.

Какое место русские земли занимали на карте мира в период Средневековья? Куда помещали Россию ученые эпохи Возрождения: в Европу или в Азию?³⁰

В XV–XVI веках Россию для Европы открывали путешественники, купцы, дипломаты, то есть главные действующие лица эпохи Великих географических открытий³¹. Но не меньшую роль, чем «практики», в этом процессе сыграли «теоретики» – европейские географы, историки и теологи, которые никогда не были в далекой Московии, но составили ее первые описания и карты. И здесь принципиально важно, какое место западные кабинетные ученые отводили новой стране на карте мира³².

Нельзя сказать, что до открытия России в XV–XVI веках о землях, на которых она находилась, в Европе совсем ничего не знали. После трудов античных ученых здесь, во-первых, были известны главные географические ориентиры – Рифейские и Гиперборейские горы, из которых вытекали реки – Борисфен (Днепр), Танаис (Дон) и Ра (Волга). Во-вторых, были приблизительно установлены пределы этого мира, которые считались границами между Европой и Азией. Они проходили по реке Танаису (Танаю) и по Рифейским горам. В-третьих, считалось, что практически всю территорию от Дуная до подножия Рифейских гор покрывает таинственный Герцинский лес, начинающийся еще в Германии. В-четвертых, античные авторы были уверены, что данные пространства населяют многочисленные варварские народы, у которых нет ни единого предводителя, ни общего государства. Собирательным названием для них было «скифы» или «сарматы».

Развитие географической мысли в период Средневековья было шагом назад по сравнению даже с данной концепцией. Вплоть до XV века доминировала так называемая «монастырская география», главным образцом творчества которой были *Mappae Mundi*. Это карты, руководством к созданию которых послужила цитата из Книги Иезекииля: «Сия глаголет Адонай Господь: сей Иерусалим, посреди языков положих его, и страны, яже окрест его» (5:5). Их авторы видели мир в виде Т-образного креста, вписанного в круг. Стороны креста образовывали реки Танаис (Дон) и Нил, а вертикаль креста – Средиземное море. Segmentами же выступали части света: Азия (верхний сегмент, отделенный от Европы Танаисом и от Африки Нилом), Европа и Африка (разделенные Средиземным морем). Вокруг этих

³⁰ Географами Ренессанса первоначально использовались античные понятия Европы и Азии. У древних греков Европой называлось западное побережье Эгейского моря (т. е. современный Балканский полуостров), а Азией – восточное побережье (т. е. современный полуостров Малая Азия). В «Ges periodos» Гекатея граница между Европой и Азией была проведена по Геллеспонту, Понту Эвксинскому, Кавказским горам и Каспийскому морю. В качестве границы греческие и римские авторы позже называли р. Фасис (совр. Риони) в Закавказье, р. Танаис (Дон). В эпоху Античности это разделение мира носило географический характер: люди делились на эллинов и варваров, римлян и варваров, но не на европейцев и азиатов. В Средневековье в связи с конфликтами с арабами в Испании и Крестовыми походами возникает противопоставление населенного «неверными» Востока и «христианского мира», т. е. Европы.

³¹ Историю установления дипломатических и культурных контактов России и Европы в конце XV – начале XVI в. см.: *Fennel J. Ivan the Great of Moscow*. London, 1961; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV века. М., 2001; *Mund S. Orbis russiarum: Genèse et développement de la représentation du monde "russe" en Occident à la Renaissance*. Genève, 2003 (= *Travaux d'Humanisme et Renaissance*. № CCCLXXXII). P. 27–34.

³² Применительно к более поздним эпохам вопрос о роли географии в формировании концепта места России в мире был объектом внимания ученых (*Parker W.U.* Is Russia in Europe? The Geographical Viewpoint // *An Historical Geography of Russia*. London, 1968. P. 34–41; *Bassin M.* Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geography // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. P. 4–8; *Вульф Л.* Указ. соч. С. 226–294). Однако применительно к XV–XVI вв. изучались в основном отдельно иностранные карты Московии без исследования их соотношения с картами Европы. Между тем до превращения географии в точную науку в конце XVI–XVII в. (в связи с открытием способов измерения долгот и широт и их привязки к карте) речь идет по преимуществу именно о картах, на которых картина мира в большей степени конструировалась, а не отображалась. И поэтому для нашей темы они представляют несомненный интерес.

частей света простирался мировой океан. В перекрестье же размещался Иерусалим – центр мира³³.

На ранних картах³⁴ (например, на карте Эрбсторфа 1234 года и Харефорда 1290 года) отдельные русские города (Киев, Полоцк, Смоленск, Новгород) были расположены «в правой руке Христовой», в сегменте, образуемом Танаисом и Средиземным морем, то есть в Европе. С XIV века на итальянских портоланах, происходящих из итальянских колоний в Крыму, Причерноморье фигурирует также в составе Европы (картах Кариньяно и Пиззигано, списки 1320–1456 годов, так называемом атласе Медичи, 1351 и др.). Среди объектов на этих картах значились реки Дон, Днепр, Волга, Нева, территории Кумания (Земля кочевников), Газария (в устье Дона), Сарматия, Земля амазонок, Рифейские горы, Северный Ледовитый океан и, у побережья Балтики, Курляндия и Новгород.

Большой интерес для ментальной географии представляет собой так называемая Францисканская карта 1350–1360 годов, составленная неким монахом из Кастилии. Он никогда не совершал своего путешествия, а изучил каталаунские карты мира и потом нарисовал собственную карту Европы, как он себе ее представлял. В районе Танаиса у него располагалась воображаемая империя *Sara*, за Невой – царство вечного холода страна *Siecia*. В целом география получилась абсолютно фантастическая, единственным русским объектом, который можно соотнести с реальностью, был Новгород.

Особый статус последнего города на средневековых картах, видимо, был порожден его известностью как торгового центра. На карте бенедиктинского монаха из Зальцбурга Андреаса Веспергера (1448) огромное изображение Новгорода занимало все пространство от Азовского до Балтийского моря. При этом восточнее Новгорода располагались Рифейские горы, за которыми жили каннибалы, а также народы Гога и Магога. То есть восток Европы, согласно Веспергеру, состоял из Новгорода и земель, заселенных дикими народами-людоедами.

К XV веку можно отнести первые изображения собственно России на картах Европы. Причем она однозначно помещается в европейский знаковый контекст. На карте Андреа Бианко 1436 года нанесена *imperio Rosie magna*, находящаяся за Доном и Волгой. Ее соседом выступают *imperatorii Tartarorou*. Карта Бианко интересна своими условными знаками – крупные государства обозначены символическими фигурами правителей в шатрах, на троне и с коронами. Так изображены императоры: русский, татарский и два романских (один помещен на Среднем Дунае, другой на Балканах), а также *Trabexonsa* (на месте Византии). Рисунки императоров идентичны – по одежде, короне и символам власти это стилизованный европейский правитель.

Важным этапом в развитии знаний о восточных рубежах Европы было составление в 1457–1459 годах карты Фра Мауро (см. ил. 1). Границей Европы и Азии у него выступает Волга, на которой расположены *Rossia Bianco* и *Paluda Rossia*. На Дону находилась *Rossia Negra*, на реке Оке – *Moscovia*, между Доном и Днепром – *Lituania*. Среднее Поднепровье с Киевом (*Chio?*) на карте обозначено как провинция *Raxan*, севернее которой нанесена провинция *Maxag*. Между Днепром и Днестром лежит *Gothia*. Видимо, Фра Мауро принадлежит честь одного из первых разделений на карте Московии и России, правда, в данном случае в фантастическом контексте: Московию он отделял от мифических России Белой и России Черной³⁵.

³³ Andrews M. The Study and Classification of Medieval Mappae Mundi // Archaeologia. 1926. Vol. 75. P. 61–76; Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985. С. 69; Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры: История географических идей / Пер. Л.Н. Кудряшовой, предисл. и ред. А.Г. Исаченко. М., 1988. С. 76–77.

³⁴ Здесь и далее описания средневековых карт даются по их публикации в книге: Bagrow L. A History of the Cartography of Russia up to 1600 / Ed. by H.W. Castnew. Ontario, 1975. P. 19, 22–23, 27.

³⁵ Ibid. P. 32.

В связи с реанимацией птолемеевской традиции в конце XV века³⁶ перед географами эпохи Возрождения встала проблема Сарматий. На восьмой карте Европы у Птолемея перед Доном и Рифейскими горами нанесена Европейская Сарматия, а за Доном – Азиатская. Последняя дана в подробностях на второй карте Азии. Таким образом, ученый авторитет четко обозначил пределы европейского мира и даже субъекта, лежащего «наполовину в Европе, наполовину в Азии», – Сарматии, к которой в XV веке относили земли Польши, Литвы, Московии. Это, наверное, первое формулирование парадигмы о «срединном положении» России между двумя антагонистическими мирами.

Иллюстрация 1. Фрагмент карты мира (mappa mundi) Фра Мауро. Факсимиле манускрипта глобуса, 1460.

Карта диаметром 1,96 м воспроизведена на 48 листах в издании: *Il mappamundo di Fra Mauro a Cura di tullia Gasparrini Leporace. Venice, 1956. Fol. 34* (James Ford Bell Libery, University of Minnesota)

Освоение птолемеевской традиции в эпоху Возрождения не было буквальным, а, скорее, происходило на уровне соблюдения форм и номенклатуры понятий. Практически сразу же началась, по выражению Л. Багрова, «диффузия птолемеевской географии»: на карты античного ученого наносились современные границы, очертания, страны и народы, которые на первых порах соседствовали с андрофагами и амазонками. Постепенно подборка античных карт вытеснялась работами географов XV–XVI веков, однако при этом, что важно, нумерация карт повторяла структуру Птолемея. И заданные им параметры европейских и азиатских пределов перешли в Средневековье. Например, на Генуэзской карте 1457 года между Днепром и Доном находится *Sarmatia Prima*, на Волге – *Sarmatia Secunda*. Даже на карте мира 1507 года Мартина Вальдземюллера, одной из первых, где был одновременно изображен и Старый, и Новый Свет, еще нет ни Московии, ни России, зато нанесены Европейская и Азиатская Сарматии. В последней находились Татария и Страна амазонок.

Однако постепенно происходила разработка новой номенклатуры стран и народов Востока Европы. В 1490 году в переиздании Птолемея Генрихом Мартеллом Германусом на карте Европейской Сарматии у подножия Рифейских гор мы видим *Ducatus Moschovie*. На карте 1491 года Конрада Певтингера нанесена *Sarmatia terra in Europa*, с которой соседствуют Ливония, Новгород и Великое княжество Литовское (*Magnus Ducatus*), а также

³⁶ Одним из факторов, обусловивших в конце XV – начале XVI в. всплеск интереса к землям к востоку от Одера, была реанимация античной географической традиции в эпоху Возрождения. Греческая и римская ученость возвращалась в Европу с Востока. На Запад из гбнущей Византии эмигрировало немало ученых, хорошо знакомых с античной географической наукой. В 1406 г. во Флоренции был сделан перевод с арабского на латинский язык «Географии» Птолемея, затем последовал целый ряд переизданий (наиболее интенсивно Птолемея издавали в 1470-х гг.). С конца XV в. появляются многочисленные атласы на основе трудов античных авторов (наиболее известны работы Доминиуса Николауса Германуса, Франческо Берлингьери, Франческо Россели, Генриха Мартелла).

Псковское королевство (*Pleslovregnum*). Северо-восточнее Новгорода и Пскова расположена Белая Русь (*Russiae Albae pars*). На юго-западе, в Среднем Поднепровье и на Днестре ей противопоставляется Красная Русь (*Rubea Russia*). На карте Иеронима Мюнстера 1493 года также разделены Руссия (находящаяся по соседству с польской Подолией) и Московия³⁷.

В конце XV – начале XVI века с подачи польских ученых и политиков в ментальной географии восточных пределов Европы намечается тенденция, согласно которой Россию пытаются вытеснить за их пределы, в Азию. Как показал Э. Клюг, один из первых подобных случаев – комментарии краковского магистра Яна из Глогова к переизданию Птолемея, в котором Московия была однозначно записана в Азиатскую Сарматию³⁸.

Необычайный интерес представляет собой аллегорическое изображение Европы в тексте под названием «*Introductorium cosmographiae*» (около 1507), происхождение которого также связывают с Яном из Глогова или его кружком. Европа нарисована в виде драконоподобного существа, у которого крылья – Ирландия и Англия, ноги – Балканы, Италия и Испания, а туловище – Франция, германский мир, Польша и Литва. Дракону-Европе противостоит Медведь-Азия, в которой центральное место занимает Московия³⁹ («медвежья символика», как мы видим, характерна для России с начала XVI века до наших дней).

В подготовке карты 1507 года Маркуса Бененентана, вышедшей вместе с очередным выпуском Птолемея, принимали участие польские картографы (в том числе Бернард Ваповский и представители копернианской школы). Они также постарались вытеснить Московию за пределы Европы, в Азию. *Ducatus Moscovia* было помещено за Рифейские горы и Герцинский лес, которые и отделили его от *Russia Alba*. Город Москву поляки нанесли на северном склоне Рифейских гор, возле Ледовитого океана. Даже Татария оказывалась ближе к Европе, чем Московия⁴⁰.

Поскольку поляков как непосредственных соседей Московии в XV–XVI веках трудно заподозрить в незнании истинного положения вещей, перед нами явное стремление изгнать Россию из Европы. Представляется правильным мнение Э. Клюга о том, что именно поляки в XVI веке распространяли на Западе миф об азиатской и варварской Московии, антагонисте христианского мира, впоследствии подхваченный в других странах⁴¹. Правда, Э. Клюг относит господство данной точки зрения в Европе уже к первой половине XVI века, что не совсем верно: о ее доминировании можно говорить только со второй половины XVI века, после распространения труда о Московии С. Герберштейна и идеологического эффекта от Ливонской войны (1558–1583). Это подтверждается тем, что на большинстве карт Европы XVI века⁴² Московия размещалась все же в Европе, хотя по отношению к западным странам и далеко на северо-восток, в правом верхнем углу карты. Правда, это произошло скорее не

³⁷ Bagrow L. Op. cit. P. 30, 42–47.

³⁸ Klug E. Das “asiatische” Russland. Ueber die Entstehung eines europäischen Vorurteils // Historische Zeitschrift. 1987. № 245. S. 273.

³⁹ Ibid. S. 274–275.

⁴⁰ Bagrow L. Op. cit. P. 47.

⁴¹ Klug E. Op. cit. S. 276–282.

⁴² Во второй четверти XVI в. процесс картографирования земель к востоку от р. Одер ставится на научную основу. Революционное утверждение в 1517 г. краковского ученого Матвея Меховского, что Рифейских гор нет, разрушило бытовавшую с Античности систему ориентиров. Поиск новых очертаний континента географы XVI в. стали вести с привлечением свидетельств очевидцев – знатоков земель за Вислой и Неманом. Карта Йовия 1525 г. составлялась по рассказам русского гонца в Рим Дмитрия Герасимова (издавалась в атласе Баттисты Агнеше 1525 г. и в «*Moscovia nova Tabula*» Джакопо Гастальди 1548 г.). В создании карты Антона Вида 1542 г. (изд. в 1555 г., авторизованная копия в 1570 г. опубликована Ф. Ходендергом) принимал участие московский эмигрант, беглый окольничий Иван Ляцкий. Важным этапом было издание в 1546 г. карты посетившего Московию имперского посла Сигизмунда Герберштейна. Кроме того, надо упомянуть атлас Европы Гейндриха Зелля 1536 г., *Tabula Moderna Sarmatia* «Космографии» Себастьяна Мюнстера 1538 г., *Nova Tabula Polonia et Ungaria* Бернарда Ваповского 1540 г., «*Rudimenta Cosmographica*» Хонтеруса 1542 г., карту мира Джакопо Гастальди 1546 г., карты Европы Каспара Вепеля 1566 г. и Герарда Меркатора 1554 и 1572 гг. и др.

из-за признания европейского характера России, а из-за географического смещения Азии – ее теперь относили за Волгу и Нижний Дон, то есть основная часть Московии однозначно попадала в Европу.

Данное «удаление Азии», по справедливому замечанию М. Винтля, было вызвано тем, что Великие географические открытия как бы уменьшили размеры европейского континента в глазах западных картографов. Первой их реакцией на это было увеличение Европы, продвижение ее границы на восток, с Танаиса за Волгу. Второй – появление иконографического триумфализма, размещения на картах аллегорических изображений Европы, Азии, Африки, Америки в виде молодых женщин, среди которых Европа – несомненная королева⁴³. На стилизованном рисунке в издании «Космографии» С. Мюнстера 1588 года Европа изображена в виде женщины, голова которой – Испания, плечи – Франция и Англия, грудь – Германия, руки – Дания и Италия, живот – Вандалия, Польша и Венгрия, ноги – Македония, Славония, Литва и Ливония, а на подоле платья размещены Греция, Болгария, Скифия, Московия и Татария. При этом Европа-королева попирает ногами Азию (см. ил. 2). В «Иконологии» Цезаре Рипы 1603 года художникам рекомендовалось рисовать Европу всегда в короне, «чтобы показать, что Европа всегда является главой и королевой всего сущего»⁴⁴.

Таким образом, европейская географическая мысль в XVI веке отнесла Московию к европейским странам, хотя и определила ее место в «бахроме» христианского мира⁴⁵. В то же время уже прозвучали критические мнения, помещавшие Московию в Азию либо располагавшие ее частично в Европе, частично в Азии (например, это специально оговаривает Альберт Компьенский)⁴⁶. Подобная неопределенность была вызвана динамикой развития роли, приписываемой России в историческом сценарии Европы. А эта роль с начала до середины XVI века прошла в европейском сознании все вышеописанные этапы реализации модели открытия Европой чужого мира: познание, попытка вписать в аналоговый контекст (конец XV – середина XVI века), готовность включить в европейский мир (первая треть XVI века) и затем – осознание факта, что московиты – «существенно другие», отторжение и однозначная дефиниция как неевропейского государства (вторая половина XVI века, время Ливонской войны).

«Услышав о московитах, я был настолько охвачен восторгом, что казался лишенным ума...», или Как Россию чуть не приняли в Европу

По замечанию С. Мунда, в XV веке земли восточнее Одера и Вислы представлялись Западу сказочным регионом, «пространством мечты», где пролегал путь трубадуров, странствующих рыцарей и купцов⁴⁷. Но и для земель к востоку от Одера и Вислы нашелся свой Колумб, правда, в облике кабинетного ученого. Краковский профессор Матвей Меховский видел свою миссию в том, чтобы совершить, пусть на бумаге, Великое географическое открытие для Европы Московии и ее соседей. Он писал: «Южные края и приморские народы

⁴³ *Wintle M. Renaissance Maps and the Construction of the Idea of Europe // Journal of Historical Geography. 1999. Vol. 25. № 2. P. 137–165.*

⁴⁴ *Pagden A. Europe: Conceptualizing a Continent // The Idea of Europe: From Antiquity to the European Union / Ed. by A. Pagden. Cambridge; Washington, 2002. P. 51.*

⁴⁵ Здесь любопытно сравнить описанное Э. Саидом сформировавшееся в Средневековье (XII–XIII вв.) представление европейцев о Востоке как «бахроме» (fringe) христианского мира и при этом – оплоте ересей. Ислам первоначально, как уже говорилось, воспринимался не как мировая религия, а как ересь. Сходно и отношение Запада к православию как к схизме, ереси. См.: *Said E. Op. cit. P. 60–61, 63.*

⁴⁶ *Альберт Компьенский. О Московии // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 98.*

⁴⁷ *Mund S. Op. cit. P. 42.*

вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у северного океана к востоку, открытые войсками короля Польского, станут известны миру»⁴⁸. Заявленные в 1517 году открытия польского исследователя были удивительными: например, он говорил, что Рифейских гор не существует. Это вызвало буквально взрыв эмоций у просвещенных европейцев. Известный деятель Реформации Ульрих фон Гуттен писал нюрнбергскому гуманисту Пиркгеймеру о потрясении, которое испытал, когда услышал, что Рифейских гор нет: «О, что за время! Как движутся умы, как цветет наука!»⁴⁹

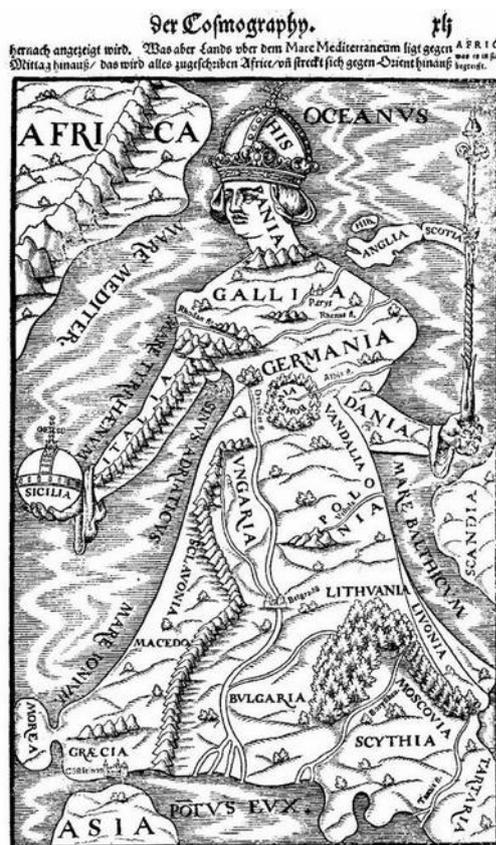

Иллюстрация 2. Europa Prima Pars Terrae in Forma Virginis. Воспроизводится по изданию: Biintings H. *Itinerarium Sacrae Scripturae*, 1592. Fig. 8 (библиотека Страхова монастыря, Прага)

В каком историческом контексте произошло открытие Европой России? Для Священной Римской империи это были трудные времена: в конце XV – начале XVI века усиливался кризис Ганзы, были частично потеряны Голштейн, Пруссия, Силезия, Богемия и Моравия, нарастало ожесточенное соперничество с Ягеллонами, к 1475 году из-за саботажа городов провалилась попытка реформы государственного устройства на основе реанимации франкской имперской модели. Нарастало федералистское движение, оппозиционность центральной власти князей и городов, а император, по образному выражению К. Лампрехта, «бродил из одной страны центральной Германии в другую, где свирепствовали междоусобия и взаимное недоверие»⁵⁰. Усиливалась турецкая угроза. В марте 1518 года империя и папа заня-

⁴⁸ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и коммент. С.А. Аннинского. М.; Д., 1936. С. 46.

⁴⁹ Цит. по: Там же. С. 36.

⁵⁰ Лампрехт К. История германского народа. М., 1896. Т. 3. С. п. О роли императорской власти и попытках ее укрепления см.: *Deutsche Reichstakten. Jüngere Reiche*. Göttingen, 1962–1963. Bd. 1–3; Чуюнов А.Ф. Рейхстаг и император Священной

лись созданием очередной антитурецкой коалиции, во главе которой предполагалось поставить польского короля Сигизмунда.

Особую окраску событиям придавала Реформация – вызов католическому миру. Последний явно проигрывал свои позиции в Европе протестантству, но искал способы компенсировать потери прихожан. Пошатнувшуюся гегемонию, провозглашенную в булле Бонифация VIII («мы провозглашаем, что в видах спасения римскому папе подчинено каждое человеческое существо»⁵¹), надо было реанимировать путем расширения сфер влияния. И восточные соседи были для этого идеальным потенциальным объектом.

В этих условиях и произошло открытие России, которое сопровождалось вспыхнувшими в Европе надеждами на обновление и расширение католического мира через новую страну – Московию. Германский мир не принимал участия в открытии Нового Света, и поэтому проникновение на восток стало для Священной Римской империи *ее колониальной задачей и перспективой*, а Московия – *ее Новым Светом*. Контакты с русскими освещались светом высокой миссионерской цели – обратить москвитов в истинную, католическую веру.

Открытие Московии для европейцев выразилось в появлении в конце XV – начале XVI века целой серии сочинений, посвященных описанию России и предлагающих формы сотрудничества христианского мира с этой страной⁵². Альберт Компьенский с восторгом писал папе Клименту VII:

Если тот евангельский пастырь, подлинно великий Понтифик, наместником коего ты, Климент, являешься среди нас, с такой старательностью и заботливостью искал одну заблудившуюся овцу из ста... то кому непонятно, сколько усердия действительно должен приложить верховный пастырь Церкви, когда не одна из ста, но многие сотни заблудших душ желают возвратиться в стадо Христово? Вот почему не могу надивиться, о чем же думали предшественники Твоего Святейшества, которые доселе не обращали внимания на этот весьма многочисленный народ москвитов.

Альберт представлял посрамление протестантов, воображая, как «народ дальней Скифии, почти что из другого мира, придет к послушанию Римской церкви, между тем как лютеране, неистовствуя и безумствуя, в злобе и умопомрачении восстали против достоинства и власти сей церкви». В случае обращения русских «мы найдем... выгоду более несомненную и славу более истинную и более христианскую, чем в том случае, когда бы мы оружием победили всех турок, всю Азию и, наконец, всю Африку... Благодаря же этому союзу с мос-

Римской империи Германской нации в первой половине XVI в. // Германская история эпохи Реформации: Исследования и документы. Вологда, 1993. С. 3–19.

⁵¹ Бецольд Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 3–4.

⁵² На обратном пути из Персии в 1474–1477 гг. венецианский посол Амброджо Контарини посетил Московию и опубликовал отчет об этой поездке в 1487 г. в Венеции под заголовком: «Questo e el viazo misier Ambrosio Contarin ambasador de la illustrissima signoria de Venesia al signor Uxuncassam re de Persia» (переиздан в 1524 г.). Между 1488 и 1492 гг. Иосафат Барбаро написал «Путешествие в Тану» (издано в 1543 г.). В 1486 г. в миланской придворной канцелярии был записан рассказ московского посла, опубликованный только в 1957 г. В 1503 г. появилось «Подробное разъяснение о расположении, нравах и различиях скифского народа». В апреле 1514 г. на Латеранском соборе с докладом «О народах рутенов и их заблуждениях» выступил гнезненский архиепископ Ян Лаский. В 1517 г. в Кракове вышел уже упоминавшийся трактат Матвея Меховского «О двух Сарматиях», издававшийся до 1600 г. 23 раза. Посетивший Россию в 1518–1519 гг. имперский посол Франческо да Колло оставил записки, увидевшие свет только в 1603 г. В 1523–1525 гг. трактат о Московии на основе рассказов дипломатов и купцов создал Альберт Компьенский (в XVI в. издавался в 1543, 1559, 1564, 1574, 1583 гг.), в 1525 г. – Павел Йовий, чье произведение в XVI в. публиковалось в среднем раз в два года (в 1525–1600 гг. известно 30 изданий)! В 1525–1526 гг. вышло первое издание трактата Иоганна Фабри «Религия москвитов, обитающих у Ледовитого моря» (переиздано в 1541 г. и частично вошло в сочинение Яна Лазицкого «О религии, жертвоприношениях, свадебном и похоронном обряде русских, москвитов и татар», 1582 г.). Наиболее полный обзор сочинений о России европейцев эпохи Возрождения и их публикаций см. в монографии С. Мунда: *Mund S. Op. cit.* P. 45, 176–178.

ковитами многие сотни тысяч душ возвратились бы в стадо Христово без [употребления] оружия и [пролития] крови»⁵³.

Европейские авторы первой половины XVI века чуть ли не с благоговением описывали стремление московитов к святости и чистоте веры. Иоганн Фабри построил свой трактат на противопоставлении стереотипного взгляда и «истинного положения вещей»: начинает он со слов, что «едва ли какой другой народ доселе имел более худую славу в отношении религии». А затем приводит подлинную похвалу отношению московитов к вере: в отличие от европейцев они не допускают никаких ересей, благородно покровительствуют несчастному и бессильному константинопольскому патриарху, если кто-то не ходит на исповедь, «того предают анафеме, и все гнушаются общения с ним до такой степени, что не позволяют входить в храм»⁵⁴.

Фабри так описывал свои впечатления от знакомства с благочестием православной Московии: «Услыхав об этом, мы были так потрясены, что, охваченные восторгом, казались лишенными ума, поскольку сравнение наших христиан с ними в делах, касающихся христианской религии, производило весьма невыгодное впечатление»⁵⁵. Альберт Компьенский говорил о русских: «Во многом они, как кажется, лучше нас следуют Евангелию Христа»⁵⁶. Он писал о московитском государе:

Хотя мы считали его схизматиком и почти язычником и много раз выступали против него с оружием, тем не менее в деле спасения нашего и Христианской церкви он выказал себя в большей мере христианином, чем наши государи, которые похваляются титулами христианских, католических и защитников веры... Этот схизматик так радеет о нашем спасении, что отправил того, который должен пробудить нас (посла с предложением антитурецкого союза. – А.Ф.), словно погруженных в летаргический сон, и убедить иной раз вспоминать о собственном спасении и, наконец, позаботиться о наших делах... Более того, сей государь, которого мы вправе были опасаться как смертельного врага, предлагает в нашу защиту себя и весь народ свой. А наши христианские государи совершенно не думают о том, как оказать помощь христианскому миру, который они сами своими раздорами погубили... поэтому если оценивать прежде всего по делам, а не по обманчивым титулам, то окажется, что он [московит] является воистину христианским государем, а наши с их пышными титулами будут признаны хуже язычников и схизматиков⁵⁷.

По верному замечанию О.Ф. Кудрявцева, «Русь, не знающая тяжелых религиозных потрясений, свято чтущая церковную традицию, та самая Русь, в православном населении которой доселе видели схизматиков и вероотступников, теперь представлялась чуть ли не последним оплотом истинного христианства»⁵⁸. Обращение русских правителей под пером

⁵³ Альберт Компьенский. Указ. соч. С. 96–97.

⁵⁴ Фабри И. Религия московитов, [обитающих] у Ледовитого моря // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 172, 181, 191, 193, 201.

⁵⁵ Там же. С. 194.

⁵⁶ Альберт Компьенский. Указ. соч. С. 107.

⁵⁷ Там же. С. 110–111.

⁵⁸ Кудрявцев О.Ф. Жизнь за царя: Русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 10. Хотя стоит заметить, что отношение Ватикана к Московии было не всегда столь однозначным и это было связано с неприятием Москвой Флорентийской унии, отчего московиты попадали в разряд схизматиков – врагов христианского мира. В 1496 г. папа Александр I разрешил призыв к Крестовому походу против русских, в 1498 г. папа Иннокентий VIII направил в Литву, Ливонию, Пруссию, Швецию и Данию буллу с обещанием отпущения грехов всем участникам войны против схизматиков-русских. Подробнее см.: Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 195.

европейских авторов напоминало сюжеты из святоотеческой литературы и житий святых, повествующие о внезапном прозрении недавних нечестивцев.

Описание Московии у авторов первой половины XVI века отражает целый ряд западных стереотипов, принятых при изображении чужого мира. Во-первых, это мир закрытый, замкнутый, в отличие от европейской открытости – общим местом во многих сочинениях является рассказ о «затворенности» Московии, в которую невозможно попасть без дозволения русских⁵⁹. Во-вторых, это мир сильной государственной власти, москвиты безоговорочно повинуются своему правителю, даже в таких «трудных» вопросах, как отказ от пьянства⁶⁰. Франческо да Колло утверждал, что русскому государю все настолько преданы, «что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя таковому наказанию»⁶¹. Преданность русских государю достигает прямо-таки мусульманских масштабов: «Нет другого народа, более послушного своему императору, ничего не почитающего более достойным и более славным для мужа, нежели умереть за своего государя. Ибо они справедливо полагают, что так они удостоятся бессмертия»⁶². В первой половине XVI века при сравнении с европейской анархией такое послушание властям вызывало умиление и восхищение. Во второй половине XVI века это же назовут бесчеловечной тиранией.

В-третьих, русские рисуются как люди, сохранившие первобытную чистоту и простоту нравов: «У них считается великим и ужасным злодеянием обманывать и обделять друг друга, прелюбодейство, разврат и распутство редко встречаются в их среде. Противоестественные пороки им совершенно неизвестны, о клятвопреступлениях и богохульствах у них не слышать»⁶³. Необычайно развито почитание родителей. Русские целомудренны и свято чтут обеты, «гнушаются прелюбодейства, пожалуй, в большей степени, нежели мы»⁶⁴. Правда, уже в данных сочинениях возникает дискурс необычайной сексуальной уступчивости русских женщин иностранцам, описанный Л. Вульфом применительно к XVIII веку как чисто колониальное явление⁶⁵.

Фабри помещает целый панегирик нравам «рутенгов» в сравнении с загнивающим германским миром:

Ибо где у [рутенгов] обнаруживается корень жизни, там наши немцы скорее находят смерть; если те – Евангелие Божие, то эти воистину злобу людскую укоренили; те преданы постам, эти же – чревоугодию; те ведут жизнь строгую, эти же – изнеженную; они используют брак для [сохранения] непорочности, наши же немцы совсем негоже – для [удовлетворения] похоти; и не вызывает никакого сомнения то, что если

⁵⁹ Альберт Компъенский. Указ. соч. С. 106; Франческо да Колло. Доношение о Московии / Пер. и вступ. С. О. Симчич. М., 1996. С. 58. См. также: *Mund S.* Op. cit. P. 160.

⁶⁰ Альберт Компъенский. Указ. соч. С. 106; ср.: Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России: К истории италяно-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 158, 228, 229; Фабри И. Указ. соч. С. 177.

⁶¹ Франческо да Колло. Указ. соч. С. 58. Другие подобные примеры см.: *Mund S.* Op. cit. P. 121–122.

⁶² Фабри И. Указ. соч. С. 178.

⁶³ Альберт Компъенский. Указ. соч. С. 107. Интересно, что почти в этих же выражениях описывали и татар: они «не воруют и не терпят воров в своей среде... хитры и вероломны с чужими, но между собою и со своими весьма честны» (Меховский М. Указ. соч. С. 60).

⁶⁴ Фабри И. Указ. соч. С. 185, 192.

⁶⁵ Йовий П. Книга о московитском посольстве // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 285: «Впрочем, даже иностранец может легко и за небольшое вознаграждение склонить к любовным утехам всякую женщину из просто-народья»; Франческо да Колло. Указ. соч. С. 66: «В городе Московии некоторые из наших купили нескольких молоденьких девиц от пятнадцати до восемнадцати лет, поистине прекрасных, для своего употребления и удовольствия... [их] не могут вывозить из страны, но могут только держать для всяческого употребления» – ср. прямые аналогии в описании восточно-европейского феминного дискурса в сочинениях иностранцев XVIII в.: Вульф Л. Указ. соч. С. 98–148.

у них [совершенство] таинств уничтожает бремя грехов, то, к прискорбию, у наших пренебрежение таинствами увеличивает это бремя. Что касается государства, то те привержены аристократии, наши же предпочитают, чтобы все превратилось в демократию и олигархию⁶⁶.

О.Ф. Кудрявцев объясняет, по всей видимости справедливо, подобную идеализацию нравов и противопоставление чистоты туземцев порокам европейского общества влиянием колониальных дискурсов, связанных с открытием Нового Света. Он отмечает, что во многих трактатах о Московии первой половины XVI века их авторы описывали не реальные нравы московитов, а в первую очередь те устои, которые хотели бы видеть у себя дома⁶⁷.

Это противопоставление особенностей жизни в Европе и России проявилось и в том, что облик Московии авторы эпохи Возрождения рисовали по принципу «антимира», Зазеркалья. Здесь строятся деревянные, а не каменные строения, как принято на Западе⁶⁸. Мало городов и замков, зато обширные леса. Фрукты почти не рождаются, так как «истребляются весьма холодным дуновением Борея», зато больше всего дохода дают насекомые – пчелы⁶⁹. Невозделанная природа Московии иной раз дает такое изобилие, что с ним приходится бороться⁷⁰. Мороз и снег, которые в Европе считались препятствием к передвижению, в Московии, наоборот, спасительны, ибо быстро ехать можно только по руслам замерзших рек, являющихся лучшими – и чуть ли не единственными (!) дорогами в этой стране. Да Колло писал: «Имеют сии страны зерна и фуража безмерно, несмотря на то что земля покрыта снегом почти девять месяцев в году»⁷¹. В период холодов у русских, казалось, должна останавливаться жизнь: даже покойников замораживают в гробах, так как их невозможно похоронить до весны. Однако многие авторы с удивлением отмечают, что зима является для московитов временем интенсивной экономической жизни и социальной активности.

Подобное восприятие было подготовлено особенностями самого пути из Европы в Россию – десятки километров по безлюдной дикой местности, с редкими бедными селениями, без дорог, через неосвоенные леса и реки без мостов. Нередко даже самим послам приходилось принимать участие в прокладке пути, толкании саней, обороне от диких животных и грабителей и т. д. То есть европейцу, чтобы попасть в Россию, в XV–XVI веках надо было совершить подвиг путешественника, пережить приключение. Поездка в Московию в XVI веке считалась тяжким жизненным испытанием и даже Божьим наказанием, которого стоит избегать⁷². Поэтому и возникало ощущение попадания в совсем другой мир.

Образ другого мира в сознании человека эпохи Возрождения и Великих географических открытий был неразрывно связан с представлениями о чудесах. И сочинения о Московии не стали исключением. По словам Йовия, «в Новгороде царит почти вечная зима и тьма весьма продолжительных ночей, ибо этот город видит Северный полюс... говорят, что в силу этого положения во время солнцестояния вследствие кратких ночей там стоит почти непрерывный солнечный жар и зной»⁷³. Для создания социальных легенд привлекалась античная традиция: например, Себастиан Мюнстер писал о том, что в центре Москвы находится форум, «в середине форума есть квадратный камень; если кто-нибудь на него заберется и его

⁶⁶ Фабри И. Указ. соч. С. 202.

⁶⁷ Кудрявцев О.Ф. Указ. соч. С. 17–18.

⁶⁸ Франческо да Колло. Указ. соч. С. 58.

⁶⁹ Йовий П. Указ. соч. С. 277; ср.: Мюнстер С. VI книга всеобщей космографии. Книга III. О Польше. Русь // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 336–337.

⁷⁰ Там же. С. 332.

⁷¹ Франческо да Колло. Указ. соч. С. 60.

⁷² Примеры см.: Mund S. Op. cit. P. 74, 111–115, 169.

⁷³ Йовий П. Указ. соч. С. 274.

оттуда не смогут силой сбросить, он обладает властью над городом»⁷⁴. Возникали сказания о дикарях, живущих еще восточнее или севернее русских, – например, миф о пигмеях. Они живут в стране, окутанной глубоким мраком, «когда они достигают полного развития, то своими размерами едва превосходят нашего десятилетнего мальчика. Эти люди боязливы, свою речь выражают щебетанием; так что они, по-видимому, столь же близки к обезьяне, сколь своими ростом и чувствами далеки от человека надлежащих размеров»⁷⁵.

В произведениях, посвященных открытию Московии, часто фигурируют чисто колониальные образы странствующего рыцаря, купца, путешественника. Колониализм мышления авторов, оставивших описания России, проявился в перечислении туземных товаров, которые можно вывозить. Если для Индии это пряности, для России это прежде всего пушнина и прочие дары природы – воск, сало, мед и т. д.⁷⁶ Да и описания самих сделок в Московии очень напоминают контакты конквистадоров с индейцами в Новом Свете: авторы с восторгом говорят об обмене простодушными русскими на обычный железный топор стольких соболиных шкур, сколько пролезет в отверстие, в которое насаживается топориче⁷⁷.

Колониализм в отношении России очень рано проявлялся и в синдроме «культурного наставника». Павел Йовий особенно подчеркивал стремление и способность москвитов учиться, описывая русского, который, посетив двор цесаря Максимилиана, «вращаясь при его дворе, наполненном людьми всякого рода, и наблюдая утонченные нравы... очистил свой спокойный и восприимчивый ум от всего, что в нем было варварского»⁷⁸. Европейцы были убеждены в готовности русских принять «правильную религию» и влиться в католический мир⁷⁹. Оснований для подобной уверенности было не больше, чем в свое время для веры в готовность монголов принять христианство, но, как и в XIII веке, мнение о стремлении москвитов в лоно католицизма стало истиной, не подлежащей сомнению.

Вышеописанные процессы в европейской мысли первой половины XVI века очень сходны с тем, что Р. Шваб и вслед за ним Э. Саид описывают как «Восточное возрождение Европы» – появление идеи «возрождения» (regeneration) Европы от Азии⁸⁰. Работы Фабри, Йовия, Альберта Компьенского и других также могут быть охарактеризованы как выражение идеи «русского возрождения» Европы через Россию.

Западные мыслители и политики, стремясь вовлечь Московию в унию⁸¹, считали, что судьба России в случае пренебрежения Западом ее стремлением принять истинную веру в

⁷⁴ Мюнстер С. Указ. соч. С. 333.

⁷⁵ Йовий П. Указ. соч. С. 269.

⁷⁶ Фабри И. Указ. соч. С. 180. Интересно, что, говоря о перспективах торговли в России, Павел Йовий вспоминает пример именно из истории колониального проникновения в Индию и очень озабочен вопросом, насколько далеко от «скифских берегов» находится «г. Китай» (Йовий П. Указ. соч. С. 259, 270; ср.: Франческо да Колло. Указ. соч. С. 59). Сравнение с Индией содержится и в труде Яна Лаского (1514), причем именно в колониальном аспекте: «подобно тому, как Индии приносят славу благовония, так меха и пушнина, которыми изобилует эта область и доставляет по всему миру, прославляют Московию и приносят золото и богатство ей и самому властительному князю» (Ян Лаский. О племенах рутенов и их заблуждениях // Акты исторические, относящиеся до России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. СПб., 1841 (= *Historica Russiae Monumenta*. № СХХIII). Т. 1. С. 124–125). Перевод сочинения Яна Лаского выполнен В.Ю. Мартыновичем в рамках дипломной работы «Русско-литовские отношения в первой трети XVI века», защищенной под моим руководством в 1998 г. в Воронежском государственном университете.

⁷⁷ Йовий П. Указ. соч. С. 278.

⁷⁸ Там же. С. 258.

⁷⁹ Анализ слухов об этом, муссировавшихся в Европе, см.: Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 178–185, 190, 198, 199, 207, 208.

⁸⁰ Said E. Op. cit. P. 115; подробнее см.: Schwab R. *Renaissance Orientale*. Paris, 1950.

⁸¹ Обзор истории этих попыток в конце XV – первой трети XVI в. см.: Шмурло Е.Ф. Россия и Италия: Сборник исторических материалов и исследований, касающихся отношений России с Италией. СПб., 1907. Т. 1. Вып. 1; СПб., 1911. Т. 1. Вып. 2. С. 115–212; Пирлинг О. Россия и папский престол. М., 1912. Кн. I; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 101–130, 176–195; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 300–322; Базилевич К.В. Указ. соч. С. 67–81; 211–248; Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 89–120.

какой-то степени повторит путь монголов. Как монголы предпочли отказаться от христианства, приняли ислам и стали врагами Европы, так и если «государь Московии окажется пренебрежительно отвергнутым всеми нашими государями, но не будет отвергнут нашими врагами, ибо нет никакого сомнения, что турки используют все возможности, дабы привлечь его на свою сторону или в союзники для войны с нами такого великого государя»⁸².

Почему Россию все же не приняли в Европу?

Восхищение русскими сменилось резким охлаждением уже к середине XVI века. Причиной этого, было, видимо, упорное нежелание России принять унию и тем самым влиться в европейский католический мир, что вызвало переход к следующей ступени западной модели отношения к «другим» – наступило осознание того, что московиты – «существенно чужие».

Данный тезис даже стал обрастать своими легендами: будто бы русские государи неоднократно обращались к папе и императору с просьбой о союзе и унии, но все испортила алчность римского папы, который «потребовал от них огромнейшей ежегодной дани, по его словам, как знак и подтверждение их покорности, не знаю уж какие десятины и аннаты». Московиты и передумали обращаться, решив, что в Ватикане «домогаются не спасения душ или славы Христовой, но лишь имущества всех народов»⁸³. Римскую церковь считает виновницей срыва унии и Фабри, который идет столь далеко, что утверждает, что готовность к обращению демонстрируют не только московиты, но и их соседи – и татары, и магометане⁸⁴.

Москву мало интересовали «турецкие проблемы» европейских стран, равно как и судьбы католической церкви. Она шла на переговоры, преследуя свою выгоду, надеясь на помощь Рима и императора в противостоянии с Ягеллонами. Возможно, если бы проекты русско-германских антиягеллонских коалиций конца XV – первой половины XVI века оказались реализованными, восточноевропейский мир приобрел бы иную геополитическую конфигурацию (сильные Священная Римская империя и Россия при ослабленных или вообще расчлененных Польше и Литве). И тогда по-другому бы пошла история противостояния этой новой геополитической реальности мусульманскому миру и роль Московии могла бы быть более весомой и соответствующей ожиданиям Запада.

Но папа и император предпочли не конфронтацию, а договоры с Ягеллонами, «не сдали» Москве Польшу и Литву. Последние же приложили максимум усилий для дискредитации Московии в глазах Запада, а поскольку Польша, как непосредственный сосед Руси, выступала для Европы главным поставщиком информации о московитах, то противостоять антирусским идеям было трудно. Тем более что поляки искусно муссировали наиболее болезненные слухи о русских, намекая, что они на самом деле не подлинные христиане. Гнезненский архиепископ Ян Лаский по поручению короля Сигизмунда в 1514 году сделал об этом специальный доклад на Латеранском соборе. Разоблачая «зablуждения» религии рутенов, он наделял ее чертами варварских, чуть ли не языческих суеверий:

...в день Святого Богоявления вместо церковного источника используют, пока могут, быстротекущие реки для крещения младенцев вместо Иордана, и если какой ребенок при погружении умирает от холода или выскальзывает из рук и захлебывается, то о нем говорят, что будто он взят Ангелом на небо, и утверждается, что мир недостойн его присутствия... священнику для очищения совести с женою сожительствующей и желающей

⁸² Альберт Компъенский. Указ. соч. С. 115.

⁸³ Там же. С. 108.

⁸⁴ Фабри И. Указ. соч. С. 199, 200.

обвенчаться, достаточно того, что он оболъет себя некоей заквашенной водой от макушки головы до подошвы ног... по совершении похорон их священники приказывают поцеловать могилу, а после самих похорон пируют, поедая некую кашу, благословленную самим священником... их священники впадают в несправедность, когда убивают воробья или какую-либо птицу, и они не прежде достигнут праведности, пока эта птица не стгнет совершенно у них под мышками. Таково у них наказание, которое не бывает столь суровым, если кто убьет христианина...

Именно поляки в XVI веке усердно распространяли легенды о природной вражде русских по отношению к католикам-христианам (московит «...заслуживает признательности и достигает отпущения грехов, если кто убьет католика римского исповедания»)⁸⁵. И такая пропаганда, особенно подтвержденная событиями Ливонской войны, имела успех.

Йовий видел причину охлаждения русско-европейских отношений в происках Польши, когда в Риме, не подумав, поддержали торжества короля Сигизмунда в честь победы польско-литовских войск над московитами под Оршей в 1514 году: «по этому поводу установлены были благодарственные молебствия, как будто были побеждены и перебиты враги имени Христова»⁸⁶. Война с Василием III и особенно победа под Оршей преподносилась польской публицистикой чуть ли не как спасение христианского мира от нашествия новых варваров, живым щитом против которых выступила самая восточная католическая держава и король Сигизмунд⁸⁷.

Именно поляки в противовес итальянскому и немецкому восхищению чистотой нравов московитов писали, что русские – грязные, дикие, нецивилизованные варвары, склонные к насилию и поэтому опасные для высокоразвитых народов: «...когда знатные и богатые начинают пировать, то сидят с полудня до полуночи, непрерывно наполняя брюхо пищей и питьем; встают из-за стола, когда велит природа, чтобы облегчиться, и затем снова и снова жрут до рвоты, до потери рассудка и чувства, когда уже не могут отличить голову от зада». Поляки обличали перед Западом московско-татарский «обычай» продавать людей в рабство⁸⁸, пропагандировали идею, что московиты в культурном и политическом отношении гораздо ближе к туркам, азиатам, чем к цивилизованной Европе⁸⁹. И хотя в XVI веке еще неоднократно переиздавались сочинения и Йовия, и Фабри, и Альберта Компьенского, в восприятии московитов верх явно начала одерживать «скептическая школа», заложенная Бернардом Ваповским, Яном Ласким, Матвеем Меховским и др.

В 1549 году в Вене вышло первое издание «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна, задавшего, по выражению А.Л. Хорошкевич, идеальные «тип и форму повествования о России»⁹⁰. Это сочинение во второй половине XVI века выходило в среднем раз в два года, известно 22 издания⁹¹. Оно во многом оказалось переломным в европейских оценках восточноевропейских земель. Под пером Герберштейна вместо «подлинных христианских

⁸⁵ Ян Лаский. Указ. соч. С. 126–127.

⁸⁶ Йовий П. Указ. соч. С. 261.

⁸⁷ Речь идет о произведениях: *Wapowski D. De bello a Sigismundo I, rege Poloniae, contra Moscos gesto. Romae, 1508; Idem. Panegyris seu Carmen elegiacum in victoriam Sigismundi I, Regis, de Moscis. Romae, 1515; Dantyszek J. De clade Moscorum. Romae, 1515; Epistola Pisonis ad Ioannem Coritium de conflictu Polonorum et Lituorum cum Moscovitis. Romae, 1515.* Анализ этих сочинений см.: *Траля И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В.Б. Кобрина. М., 1992. С. 46–50.*

⁸⁸ Меховский М. Указ. соч. С. 112.

⁸⁹ Подробнее см.: *Klug E. Op. cit. S. 265–289.*

⁹⁰ *Хорошкевич А.Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малейна и А.В. Назаренко, вступ. ст. А.Л. Хорошкевич. М., 1988. С. 45.*

⁹¹ *Mund S. Op. cit. P. 358.*

государей» русские правители предстали перед западным читателем скопищем всех человеческих пороков, воистину «антиправителями»: они хитры, лицемерны, вероломны, воинственны, все время ищут повода к нападению на соседей, жестоки к побежденным. Раньше их власть над подданными вызывала умиление и одобрение, теперь же она названа «жестоким рабством»⁹². Повествование Герберштейна наполнено примерами преступлений московских государей, совершенных ими для захвата, укрепления власти или даже без повода, как проявление тирании. Московиты склонны к убийствам, насилиям, грабежам. «Все они называют себя холопами, то есть рабами государя... Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе»⁹³.

Герберштейн одним из первых объединил «русскую» и «турецкую» опасности, «зарифмовал» эти народы как природных врагов Европы. По утверждению имперского посла, за раскол церкви русские ненавидят католиков «более, чем даже магометан». Причем в своей ксенофобии по отношению к Западу русские ближе к мусульманам: «Кто ел с латинянами, зная об этом, должен быть очищен очистительными молитвами». Даже святые у православия и ислама могут быть общими (легенда о молитве св. Николаю одновременно русского и татарского воинов)⁹⁴. Герберштейн уверенно поместил Москву в Азию, отказав ей в европейской локализации, которую он счел недоразумением: «Если провести прямую линию от устья Танаиса к его истокам, то окажется, что Москва расположена в Азии, а не в Европе»⁹⁵.

Очень много внимания Герберштейн уделил описаниям повседневной морали московитов. Если до него писали о верности русских своему слову и нерушимости клятвы, то теперь имперский посол утверждал: «Как только они начинают клясться и божиться, знай, что тут сейчас же кроется коварство, ибо клянутся они с намерением провести и обмануть»⁹⁶. Если более ранние авторы умилялись чистоте нравов, то теперь живописуется такое количество сексуальных запретов и наказаний за проступки в сфере интимной жизни⁹⁷, что ни о какой высокой нравственности русских речь идти просто не может. Описание сексуальной морали русских меняется и в других произведениях второй половины XVI века: о целомудрии больше не вспоминается, напротив, в почти каждом сочинении теперь говорится, что «этот народ весьма расположен к Венериным [утехам] и весьма привержен к пьянству: последнее считается похвальным, первое – дозволительным...»⁹⁸. Признаком супружеской любви у московитов, вопреки обычаям всех других народов, является избивание мужем жены⁹⁹. Разоблачение русского пьянства становится общим местом многих сочинений¹⁰⁰.

⁹² «Всех одинаково гнетет он (Василий III. – А.Ф.) жестоким рабством... Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого... Трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким» (Герберштейн С. Указ. соч. С. 72, 74).

⁹³ Там же. С. 112.

⁹⁴ Там же. С. 78, 92, 95, 104, 116.

⁹⁵ Там же. С. 138.

⁹⁶ Там же. С. 127, 133.

⁹⁷ Там же. С. 93–98, 107, 111.

⁹⁸ Мюнстер С. Указ. соч. С. 334; Mund S. Op. cit. P. 126–128, 260, 263.

⁹⁹ «Есть в Москве один немецкий кузнец, по имени Иордан, который женился на русской. Прожив некоторое время с мужем, она как-то раз ласково обратилась к нему со следующими словами: „Дражайший супруг, почему ты меня не любишь?“ Муж ответил: „Да, я сильно люблю тебя“. „Но у меня нет еще, – говорит жена, – знаков любви“. Муж стал расспрашивать, каких знаков ей надобно, на что жена отвечала: „Ты ни разу меня не ударил“. „Побой, – ответил муж, – разумеется, не казались мне знаками любви, но в этом отношении я не отстану“. Таким образом, немного спустя он весьма крепко побил ее и признавался мне, что после этого жена ухаживала за ним с гораздо большей любовью. В этом занятии он упражнялся затем очень часто и в нашу бытность в Московии сломал ей, наконец, шею и ноги» (Герберштейн С. Указ. соч. С. 112).

¹⁰⁰ Mund S. Op. cit. P. 454.

Кроме того, теперь иностранцы со вкусом описывают дикость московских нравов в отношении гигиены (не моют рук перед едой, крайне неопрятны, не используют ножей и вилок, а, как дикари, едят руками) и приготовления пищи (как заметил Тирбервилль, русским все равно, как приготовлено мясо, было бы побольше водки)¹⁰¹.

Если раньше авторы писали о том, что москвиты могли бы выступить образцом поведения для европейцев, то теперь, наоборот, иностранцы изображаются несравнимо выше русских. Все иностранные авторы отмечали особое влияние на Грозного англичан и немцев¹⁰². Причиной «затворения» России, по Барберини, является боязнь русских показать себя слабее иноземцев. В качестве примера он приводит легенду, как на судебном поединке некий литовец хитростью победил тяжеловооруженного русского воина, бросив ему в глаза горсть песка. «С той поры не дозволено уже иностранцам вступать в сражения с москвитянами»¹⁰³.

Герберштейн высказал уверенность в привилегированном положении в России иноземцев и их судьбоносной роли в важных событиях внутренней русской истории¹⁰⁴. Этот тезис был с готовностью подхвачен многими европейскими авторами. По Одеборну, Грозный особенно любил и чтит немцев, давал им в своей стране важные государственные посты и доходные должности. Это и понятно, потому что образованные и культурные немцы – это не московские бояре, «Kühehirten», «пастухи коров», «пастухи, ужасные нравами и продажные». Москвиты пытаются подражать немцам, но ничего у них не выйдет: «это противно их натуре»¹⁰⁵. Русская элита может сформироваться только как иностранная, что прекрасно понимает даже сам царь, считающий себя не русским, а немцем¹⁰⁶. В этих идеях проявилась дискурсивная практика европейца XVI века, основанная как на колониальном дискурсе, так и на уверенности в «ученичестве» других народов перед «христианским миром».

Во второй половине XVI века для европейского сознания москвиты однозначно стали «существенно другими». Произошла трансформация колониального дискурса: по мысли М.-Л. Пелю, развитой С. Мундом, Россия оказалась значительно отличающейся от Нового Света. Их нельзя было дальше пытаться мерить одной меркой¹⁰⁷. Чем больше Европа узнавала подробности из истории Московии, тем больше воспринимала ее не по аналогии со странами, ставшими известными в эпоху Великих географических открытий, а как историческую преемницу татар. И если Русь, ощущавшая себя покорительницей Орды, видела себя

¹⁰¹ Ibid. P. 129.

¹⁰² Примеры см.: *Rappeler A. Ivan Grozny im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes.* Frankfurt a.M., 1972. S. 178–179.

¹⁰³ *Барберини П. Путешествие в Московию // Любич-Романович В. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках.* СПб., 1843. С. 23.

¹⁰⁴ Например, рассказ о немце-пушкаре, который чуть ли не в одиночку отражает нашествие крымских татар, в то время как почти все русские утратили присутствие духа и даже жалуются татарам, что это не они стреляют во врага, а самовольствующий «немец». См.: *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 174–175.

¹⁰⁵ Цит. по: *Полосин И.И.* Немецкий пастор Одеборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сборник статей. М., 1963. С. 212–213.

¹⁰⁶ Проблему идентификации Московии европейской мыслью в позднее Средневековье нельзя рассматривать узко, как это часто делается, только в аспекте «Россия глазами иностранцев». Подобные исследования сводятся либо к эмпирическим описаниям – пересказам иноязычных трактатов (например: *Бочкарев В.Н.* Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. Пг., 1914; *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Русском государстве. М., 1993; *Mund S.* Op. cit.): либо к иллюстрированию оценочных концепций, посвященных обличению темных нравов русского Средневековья, и критике клеветнических измышлений иноземцев (*Pipes R.* Introduction // Fletcher G. Of the Russian Commonwealth 1591 / Ed. by J.V.A. Fine and R. Pipes. Cambridge, 1966. P. 7–23; *Poe M.* A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, 2000). Определенная попытка понять происхождение информации и идей, содержащихся в иностранных описаниях России XVI–XVII вв., была предпринята в интересной работе: *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XII–XVII вв. М., 1973. Однако, к сожалению, исследование Алпатова оказалось в значительной мере посвящено текстологическим и источниковедческим сюжетам и в незначительной степени затронуло проблему континуитета идей в осмыслении в Европе «русской темы».

¹⁰⁷ *Mund S.* Op. cit. P. 464.

перешагнувшей через владычество ханов и достигшей собственной мощи и величия *через* унижение и порабощение былых господ, то европейцы расценивали эти победы над Ордой и татарскими ханствами как то, что Россия заняла их место, является преемницей татарской политической культуры. Европейские современники первого русского царя полагали, что причиной необычайной гордыни Ивана IV, его заносчивости перед иностранными монархами было самоощущение русского великого князя как предводителя народа – победителя татар¹⁰⁸. А от связи татар и московитов было недалеко до их сближения с грозой Европы – турками... Отсюда Московия на европейской ментальной карте мира все определеннее оказывалась в азиатском контексте.

Потенциально европейскую страну, так и не ставшую, несмотря на все попытки, частью европейского мира, теперь относили к «антимиру». На примере истории Московии показывалось, *что* не надо делать европейцам, *что такое* неевропейское поведение. Сущность своего, христианского мира европейские авторы раскрывали через описание неевропейских, отрицательных качеств у своих соседей и антагонистов – прежде всего турок, а со второй половины XVI века и московитов. Этот культурный механизм оказался столь эффективным и востребованным Европой, что применительно к XVI–XVII векам можно повторить мысль Л. Вульфа (которую он высказал для эпохи Просвещения), что, если бы России не было, Западу ее следовало бы выдумать¹⁰⁹.

В годы Ливонской войны в ментальный мир Запада произошел массовый выброс разоблачительных и антимосковских сочинений, самыми черными красками рисующих и русских, и их страну, и их правителей, и их агрессию против маленькой беззащитной Ливонии¹¹⁰. Немецкие и польские публицисты грозили, что Россия не ограничится Ливонией и пойдет дальше на Запад, как Турция, и не остановится, пока не поработит всю Европу. Возникла концепция «Священной войны» христианских держав против варваров-московитов. Западные сочинения полны описаниями бедствий «новых христианских мучеников», пострадавших от русских гонителей. «Хорошие» московиты под пером иностранных авторов обязательно дружат с иноземцами и устраивают тайные заговоры против своих правителей. Среди рекомендаций, как обращаться с такой страной, теперь появляется мотив завоевания: для исправления русских их необходимо подчинить цивилизованному западному господству (например, «План превращения Московии в имперскую провинцию» Генриха Штадена 1578 года). Со второй половины XVI века в исторической памяти Европы применительно к России господствует образ «тирана Васильевича», ставшего эталоном кровавого и жестокого правителя для всех последующих времен. Как отметил А. Каппелер, оценка роли личности и деяний Ивана IV с XVI века по наши дни образует «нерв» русской истории¹¹¹.

Семена критики и разоблачения Московии в произведениях, порожденных Ливонской войной, упали на благодатную почву, уже вспаханную к середине XVI века польскими учеными и публицистами, а также Герберштейном и его последователями.

¹⁰⁸ *Rappeler A.* Op. cit. S. 155.

¹⁰⁹ *Вульф Л.* Указ. соч. С. 14.

¹¹⁰ Обзор этих произведений и их перечни см.: *Schottenloher K.* Flugblatt und Zeitung. Ein Wegweiser durch das gedruckte Tageschrifttum. Berlin, 1922 (= Bibliothek für Kunst- und Antiquitätensammler. T. 21). S. 59-261; *Rappeler A.* Op. cit. S. 65, 96-97, 253-258; *Ott T.* "Livonia est propugnaculum Imperii": Eine Studie zur Schilderung und Wahrnehmung des Livländischen Krieges (1558-1582/83) nach den deutschen und lateinischen Flugschriften der Zeit. München, 1996 (= Osteuropa-Institut München: Mitteilungen 16/1996). S. 71-75; *MundS.* Op. cit. P. 340-349.

¹¹¹ *Rappeler A.* Op. cit. S. 9.

Именно с Ливонской войны идея об имманентной враждебности «азиатской страны» России цивилизованной Европе стала одной из главных апорий европейской исторической памяти¹¹².

¹¹² Речь идет об особенностях восприятия Европой России. Проблема того, насколько это восприятие Московии иноземцами соответствовало реалиям русской жизни, очень точно охарактеризована А. Миллером, который пишет о невозможности верификации западноевропейского нарратива, посвященного России: «Мы знаем, что они тенденциозны, знаем, что оптика наблюдателей во многом предопределена господствующими дискурсами. Но *степень и характер* тенденциозности, как правило, остаются невыясненными. Ведь в самом утверждении, что Восточная Европа была по сравнению с Западной более бедной, отсталой, если угодно – дикой, никакой тенденциозности еще нет... Сколько в каждом конкретном случае искреннего заблуждения, сколько сознательного изобретательства, сколько умолчания? Пока что у нас нет исследований, позволяющих ответить на эти вопросы» (Миллер А. [Предисловие] // Вульф Л. Указ. соч. С. 7–8).

Екатерина Болтунова Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт- Петербурга конца XVII–XVIII столетия

За последние полтора-два десятилетия в российской историографии сложилась серьезная традиция исследований символической репрезентации власти¹¹³. Пространство властных ритуалов и церемоний-репрезентаций в России стало территорией, активно исследуемой, открываемой и обживаемой, а вопросы изучения пространственных характеристик в историко-антропологических и историко-культурных исследованиях – все более актуальными. Среди наиболее значительных работ последних лет – труды Р. Краутхаймера о «политической топографии» трех христианских столиц (Рима, Константинополя, Милана)¹¹⁴, М. Флайера и Д. Роулэнд о семиотическом значении ряда зданий Московского Кремля¹¹⁵, А.В. Подосинова о системах ориентации по сторонам света в культурах Евразии¹¹⁶.

Манифестация священного характера Московского царства, связанная с храмовым пространством, нашла в последнее время свое отражение в работах целого ряда историков и искусствоведов¹¹⁷. Можно констатировать, что в настоящее время именно с этих позиций начинается изучение светского пространства Москвы, значимого для сакрально-символического ритуала, хотя пока эти исследования ведутся на ограниченном круге конкретных материалов¹¹⁸. Что касается работ, посвященных более позднему, имперскому периоду и – в этом

¹¹³ Начало изучению такого рода положили классические работы столь непохожих исследователей, как Ричард Уортман (*Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. i: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995* (русский перевод: 2002); *Idem. Moscow and St. Petersburg: the Problem of Political Center in Tsarist Russia, 1881–1914 // Rites of Power: Symbolism, Ritual and Politics Since the Middle Ages / Ed. by Sean Wilentz. Philadelphia, 1985. P. 244–271*; *Уортман Р. Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / Под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова. Казань, 2004. С. 409–426*; *Wortman R. Theatricality, Myth, and Authority // Russian Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 48–52*; *Idem. Rule by Sentiment: Alexander II's Journeys through the Russian Empire // The American Historical Review. 1990. Vol. 95. № 3. P. 745–771*) и Борис Успенский (*Успенский Е.Л. Царь и Патриарх: харизма власти в России. М., 1998*; *Он же. Крестное знамение и сакральное пространство: Почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо? М., 2004*; *Он же. Обряд хождения на ослити в Вербное воскресенье и восприятие Московского Кремля как Нового Иерусалима // Международная юбилейная научная конференция, посвященная 200-летию музеев Московского Кремля (13–15 марта 2006 г.): Тезисы докладов. М., 2006. С. 90–91*).

¹¹⁴ *Краутхаймер Р. Три христианские столицы: топография и политика. М.; СПб., 2000.*

¹¹⁵ *Флайер М. К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья XVI в. СПб., 2003. С. 178–187*; *Flier M. The Throne of Monomakh: Ivan the Terrible and the Architectonics of Destiny // Architectures of Russian Identity. 1500 to Present / Ed. by James Cracraft and Daniel Rowland. Ithaca and London, 2003. P. 21–33*; *Роулэнд Д. Две культуры – один тронный зал // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья XVI в. СПб., 2003. С. 188–199*; *Rowland D. Architecture, Image and Ritual in the Throne Rooms of Muscovy, 1550–1650: A Preliminary Survey // Rude and Barbarous Kingdom Revisited. Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey / Ed. by Chester S. L. Dunning, Russell E. Martin and Daniel Rowland. Bloomington, 2008. P. 53–71.*

¹¹⁶ *Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999*; *Он же. Символы четырех евангелистов: их происхождение и значение. М., 2000.*

¹¹⁷ *Баталов А.Л., Беляев Л.А. Сакральная топография средневекового города // Известия Института христианской культуры средневековья. Т. 1. М., 1998. С. 13–22*; *Баталов А.Л. О традиции строительства храмов в Московской Руси XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья XVI века. СПб., 2003. С. 38–49*; *Иерусалим в русской культуре / Сост. А.Л. Баталов, А.М. Лидов. М., 1994*; *Бусева-Давыдова И.Л. Храмы московского Кремля. Святыни древности. М., 1997.*

¹¹⁸ См. статьи в коллективных монографиях и сборниках работ: *Царские и императорские дворцы: Старая Москва. М., 1997*; *Большой Кремлевский дворец. М., 1994*; *Московский Кремль. М., 2002.*

контексте – топографии Санкт-Петербурга, можно указать на монографии и статьи Г.З. Каганова¹¹⁹, Д. Швидковского¹²⁰, Д. Крейкрафта¹²¹, Л. Хьюз¹²², П. Бушковича¹²³ и ряда других¹²⁴.

Наличие исследований такого рода позволяет поставить вопрос о существовании и функционировании не просто «культурно-политических центров» или «праздничных мест города», а топографических зон, задействованных в реализации царского и впоследствии имперского дискурса. Очевидно, что попытка осмысления самой идеи пространства власти может быть осуществлена лишь в рамках концептуального исследования. На русском материале этого можно достигнуть при комплексном изучении форм репрезентации царской и императорской власти в связи с разного рода пространственными характеристиками и визуальными проявлениями феномена «царя/императора».

Чрезвычайно интересным материалом в данном случае оказывается пространство двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга, а наиболее показательным в хронологическом отношении периодом – конец XVII–XVIII веков. Такое сочетание позволит определить характер пространственной репрезентации власти на двух уровнях – традиционном (ориентированном на церковную культуру) и имперском (апеллирующем преимущественно к европейским образцам). Последнее, в свою очередь, даст возможность охарактеризовать изменения, произошедшие при переходе от Московской Руси XV–XVII веков к имперской России «петербургского периода» и выявить наличие общих черт, сохранившихся в топографическом контексте русской культуры, несмотря на различие исторических условий и политических влияний.

Очевидно, что комплекс «царских» (императорских) мест, имеющих непосредственное значение для изучения подобного рода, более чем значителен. К числу таких сооружений можно отнести большую часть зданий Московского Кремля (Теремной дворец, Грановитая палата, Кремлевский дворец императрицы Елизаветы Петровны, Большой Кремлевский дворец, включая его неосуществленные проекты, здание приказов и иные административные сооружения, соборы, связанные с феноменом «царской власти») и сооружения, репрезентирующие царскую власть в Санкт-Петербурге (императорские дворцы, Петропавловская крепость и собор, административные здания, некрополь Александро-Невской лавры и др.), а также загородные резиденции Москвы и Санкт-Петербурга (Преображенское, Лефортово, Измайлово, Коломенское, Петергоф, Стрельна, Царское Село, Ораниенбаум, Павловск, Гатчина и др.).

Вместе с тем столь масштабная задача не может быть решена в объеме статьи, поэтому в данном тексте речь пойдет лишь о наиболее значимых для пространства власти объектах – представительских помещениях или тронных залах и, несколько шире, о дворцовых комплексах обеих столиц.

¹¹⁹ Каганов Г.З. Санкт-Петербург: образы пространства. М., 1995; *Он же*. Тело государыни как фактор истории и культуры (Императрица Елизавета Петровна и строительство Петербурга) // Россия / Russia. 1999. Вып. 3: Культурные практики в идеологической перспективе.

¹²⁰ Shvidkovsky D. Catherine the Great's Field of Dreams: Architecture and Landscape in the Russian Enlightenment // *Architectures of Russian Identity*. P. 51–65; *Idem*. A Grandmother's Garden for the Heir of the Throne // *Garden History*. 1996. Vol. 24. № 1. P. 107–113; *Idem*. Russian Architecture and the West. Yale, 2007.

¹²¹ Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago and London, 1988; *Idem*. St. Petersburg. The Russian Cosmopolis // *Russia Engages the World, 1453–1825* / Ed. by Cynthia Hyla Whittaker. Cambridge, London, 2003. P. 25–48.

¹²² Hughes L. “Nothing Is Too Small for a Great Man”: Peter the Great's Little Houses and the Creation of Some Petrine Myths // *The Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81. № 4. P. 634–665.

¹²³ Bushkovich P. The Roman Empire in the Era of Peter the Great // *Rude and Barbarous Kingdom Revisited*. P. 155–172.

¹²⁴ См., например: Stites R. Cultural Capital and Cultural Heritage: St. Petersburg and the Arts of Imperial Russia // *Preserving Petersburg. History, Memory, Nostalgia* / Ed. by Helena Goscilo and Stephen M. Norris. Bloomington, 2008. P. 182–196; Buckler J.A. Mapping St. Petersburg. Imperial Text and Cityshape. Princeton, 2005; Ruble B.A. From Palace Square to Moscow Square: St. Petersburg's Century-Long Retreat from Public Space // *Reshaping Russian Architecture. Western Technology, Utopian Dreams* / Ed. by William C. Brumfield. Cambridge, 1990. P. 10–42.

На протяжении XVII века число тронных залов было довольно значительным, при этом представительские помещения находились как в столице, так и в загородных резиденциях (Коломенское, Измайлово). В Московском Кремле царские места имелись в целом в светских зданиях, а именно в Столовой избе Набережных палат, Средней Золотой палате, Теремном дворце и Грановитой палате¹²⁵. К концу века, однако, Грановитая палата (1487–1491, М. Фрязин и П.А. Солари), являвшаяся некогда частью дворца Ивана III, но представлявшая собой теперь отдельно стоящее здание, обращенное восточным фасадом к Соборной площади Московского Кремля, приобрела несомненный приоритет (ил. 1).

Иллюстрация 1. Грановитая палата (1487–1481, арх. М. Фрязин и П. А. Солари)

Иллюстрация 2. Главный зал Грановитой палаты с центральным столбом, поддерживающим крестовые своды

Расположенный здесь монарший трон был не столько трон-креслом, сколько (как и в других случаях) особым образом оформленным царским местом, состоявшим из помоста в 3–6 ступеней, трона-кресла и, возможно, балдахина¹²⁶. При этом расположение конструк-

¹²⁵ Флайер М. К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля. С. 178–187; Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. С. 98–99.

¹²⁶ Иностранцы, побывавшие на царских аудиенциях этого периода, указывали на отсутствие балдахина (Лизек А. Посольство Баттони от австрийского императора Леопольда к царю Алексею Михайловичу в 1675 г. // Отечественные записки. 1828. Ч. 35. С. 285). Судя по современной реконструкции, он отсутствовал и в Престольной палате Теремного дворца в Московском Кремле. Вместе с тем достоверно утверждать об отсутствии традиции подобного рода не следует. Возможно, функцию балдахина могли выполнять навершия самих тронных кресел. С начала XVIII в. балдахин вошел в число основных символов верховной власти и активно использовался во время коронаций, посольских аудиенций, свадеб или похорон кого-либо из членов династии (см., например: Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 73; Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 г. //

ции такого рода было межколонным и угловым, то есть вынесенным в сторону от центра. Последний, в свою очередь, был занят массивным столпом, поддерживающим крестовые своды палаты (ил. 2)¹²⁷. Л.А. Юзефович полагает, что такое расположение трона восходило к византийской традиции и, возможно, было подсказано Ивану III кем-либо из окружения Софьи Палеолог¹²⁸.

Вероятно, расположение трона в Грановитой палате всегда имело серьезную семантическую нагрузку. Однако здесь мы постараемся реконструировать составляющие, актуальные в конце XVII века, то есть в допетровский период.

Прежде всего, следует отметить то, что угловое расположение трона в Грановитой палате, не являвшееся само по себе исключительным для размещения царских тронов в Московском царстве¹²⁹, но казавшееся столь удивительным и непривычным иностранным послам, имеет особое значение для изучения всего комплекса представлений о власти того времени. Дело в том, что царское место располагалось у восточной стены палаты, ближе к юго-восточному углу. Последнее совпадает с расположением так называемого красного угла, то есть наиболее почетного места в русском традиционном жилище, где находились иконы и часто стол, отождествлявшиеся с алтарем православного храма и церковным престолом соответственно. Подобная трактовка, скорее всего, усиливалась появлением в этой части зала собственно икон. Именно так Грановитая палата представлена на миниатюре из «Книги об избрании на царство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича» (1672) (ил. 3)¹³⁰.

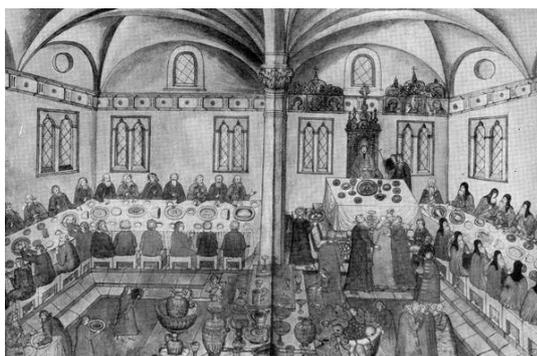

Иллюстрация 3. Миниатюра из «Книги об избрании на царство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича» (1672)

Центральное положение этой части зала было поддержано особой структурой всего остального пространства палаты, или, следуя обратной логике, место, где располагался царский трон, осмыслялось как своего рода организующее начало для пространства всей Грановитой палаты. Подобным образом, например, «срабатывали» такие семантически важные категории, как «право – лево», «вперед – назад», «ближе – дальше». Известно, что в Грано-

Там же. С. 157; *Дэвид Ф.* Дневник пребывания в Санкт-Петербурге в 1733 г. // *Беспярых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Тексты, комментарии. СПб., 1997. С. 67).

¹²⁷ Существует предположение, что организованное подобным образом пространство торжественных дворцовых палат происходит от одностолпных палат на хорах Софийских соборов XI в. (*Комеч А.И.* Древнерусское зодчество X – начала XII в. М., 1987. С. 216). Непосредственным же образцом для Грановитой палаты, возможно, послужила Палата Владычного двора в Новгороде (*Насибова А.* Грановитая палата Московского Кремля. Л., 1978).

¹²⁸ *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 98.

¹²⁹ В Золотой палате и Столовой избе Московского Кремля царский трон также располагался в углу (Там же. С. 98).

¹³⁰ В Столовой избе Набережных палат над царским тронном также висела икона Богородицы (Там же).

витой палате лавка, располагавшаяся справа от царя, считалась наиболее почетной и именовалась «большой»¹³¹, что отличало людей, занимавших эти места, от тех, кто сидел слева от монарха.

Подобное распределение ролей оказывалось традиционным не только в контексте Грановитой палаты. Так, во время аудиенции, данной царем Алексеем Михайловичем в Коломенском дворце австрийскому посольству, один из его участников зафиксировал следующую картину: «по правую сторону [от трона] стояли главный военачальник Долгорукий, царский родственник Артамон Сергеевич Матвеев, а по левую – четыре рында с покрытыми главами, державшие на плечах бердыши, на сей же стороне сидело множество бояр»¹³². Таким образом, оказываясь по правую сторону от монаршего трона, двое из царских сановников привлекают особое внимание послов, внимание вполне практическое с точки зрения изучения и последующего использования властной структуры русского двора. Интересно, что, согласно сообщению того же источника, это была первая аудиенция, в которой в качестве наследника престола принимал участие царевич Федор (будущий царь Федор Алексеевич), располагавшийся на троне вместе с отцом. При этом царь занимал правую, а царевич – левую сторону¹³³.

Возвращаясь к Грановитой палате, следует отметить, что наименее почетной в зале оказывалась вовсе не левая сторона от трона, а так называемое окольниковое место, или лавка, располагавшаяся на западе, то есть у стены, находившейся напротив царского трона. Вероятно, в данном случае определенное значение имел сам факт удаленности от места расположения царя. Впрочем, как кажется, это не единственный аспект, определявший наименьший приоритет этой части зала. Обращает на себя внимание и то, что непосредственно над «окольниковым местом» находится решетчатое окно Тайника, небольшого помещения за западной (примыкавшей к Святым сеням) стеной палаты, предназначавшегося для цариц, царевн и юных царевичей. Именно так они получали возможность наблюдать за происходившими здесь церемониями, не будучи при этом замеченными. Отметим, что появление окна Тайника именно в этом месте зала вполне соответствовало традиционным нормам устройства жилища, где угол, располагавшийся на одной линии с красным и ориентированный, соответственно, на запад, считался «бабьим». Совершенно очевидно, таким образом, что «окольниковое место» оказывалось не только самым удаленным от церемониального центра (царский трон), но опосредованно связанным с наименее статусной (женской) частью пространства.

Между прочим, немаловажно отметить и еще один значимый факт, а именно то, что «бабий» угол являлся также и печным, а печь, в свою очередь, была важным женским символом. В пространстве Грановитой палаты печь отсутствовала, что указывает на смену пространственного кода как такового, точнее, на декларативное отсутствие здесь женского пространства, которого в государственно-представительском помещении этого периода с формальной точки зрения не было и быть не могло.

Следует также отметить семантику окна, активно востребованную в организации пространства Грановитой палаты. Как указывалось выше, находившийся на престоле царь был обращен спиной на восток, а значит, в семантическом отношении соотносился с дневным светилом. Пространственная символика при этом, несомненно, смыкалась с общей трактовкой образа государя, принятой в конце XVII века. Вполне артикулированное и универсальное сравнение российского монарха с солнцем появляется в это время в текстах дипломатических представителей в России¹³⁴ и, конечно, в придворной литературе, особенно в

¹³¹ Там же. С. 99.

¹³² Лизек А. Указ. соч. С. 286.

¹³³ Там же. С. 285.

¹³⁴ Этот нюанс, например, четко уловил австриец Адольф Лизек. Говоря в своих записках об отъезде из России, после-

панегириках¹³⁵. В самом же пространстве зала этот аспект был усилен за счет принятого здесь церемониального движения (на юг, а затем на восток), представлявшего собой движение к солнцу¹³⁶. К тому же центральный столб зала скрывал фигуру царя, и послы могли увидеть монарха, только пройдя первую часть своего пути внутри палаты, что создавало определенный элемент неожиданности. Немаловажным оказывался и выбор времени проведения церемоний. Ведь во время приемов конца XVII века, проходивших здесь, как правило, утром, межоконное расположение царского трона именно в этой точке Грановитой палаты могло вполне практическим образом иллюстрировать такое сравнение, поскольку сидевший на троне царь оказывался спиной к источнику света, а послы, напротив, могли быть ослеплены ярким светом из окон. Сама фигура царя при этом должна была представляться нечеткой и даже несколько размытой.

18 окон Грановитой палаты, расположенных в два яруса и вдоль трех стен зала, вероятно, обеспечивали исключительно хорошее освещение. Интересно, что визуальные источники, в частности упоминавшаяся выше миниатюра из «Книги об избрании на царство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича» (1672), указывают на особенности самой структуры окон¹³⁷. В это время они были разными по форме и размеру. Самые большие из них располагались у восточной стены палаты, то есть у царского места, уменьшаясь в размере по мере удаления от монаршего трона. Таким образом, наиболее освещенной, как и следовало ожидать, оказывалась царская сторона палаты, а наименее освещенной – западная стена, где располагался вход из Святых сеней, а также, что чрезвычайно значимо, окно, ведущее в Тайник. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело со своего рода пространственной реализацией традиционных представлений о западной стороне жилища как о направлении, отождествляющемся, с одной стороны, с заходом солнца и тьмой в самом широком смысле этого слова (от отсутствия источника света до язычества) и, с другой стороны, являвшемся в гендерном отношении осмысленным как женское место¹³⁸.

Светлая Грановитая палата, впрочем, во многом была явлением исключительным по отношению к другим тронным залам конца XVII века. Так, торжественная зала Коломенского дворца времен правления Алексея Михайловича казалась видевшим ее иностранцам темной, поскольку «освещалась посредством четырех только окошек»¹³⁹. Престольная палата Теремного дворца в Кремле, вероятно, была еще менее освещенной: здесь всего три окна, расположенные у одной стены¹⁴⁰.

Отдельные особенности декора Грановитой палаты, в частности большое количество окон, возможно, объясняются европейским влиянием, принесенным итальянскими архитекторами Кремля. В то же время фактор влияния, интересный сам по себе, едва ли может стать универсальным объяснением для трактовки пространства зала, использовавшегося на протяжении столетий. Через двести лет после появления Грановитой палаты, то есть в

довавшей вскоре за тем смерти царя Алексея Михайловича и изменении положения некоторых лиц при дворе, он, в частности, остановился на судьбе А.С. Матвеева. Отдавая должное качествам боярина, Лизек выразил ему пожелания удачи в формулировках, исключительно близких риторике той эпохи («чтобы счастье снова озарило его лучами своими») (Там же. С. 329).

¹³⁵ См. об этом: *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 210–242.

¹³⁶ *Пчелов Е.В.* Тронное место в политической топографии кремлевских резиденций Москвы XVII в. // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII в.: Тезисы докладов. М., 2006. С. 107.

¹³⁷ Окна обоих ярусов распределены таким образом, что образуют треугольники. Это последнее обстоятельство, возможно, также не является случайным, поскольку очевидным образом перекликается с идеей угла и росписью восточной стены (триада первых русских князей), а значит, может восходить к традиционным представлениям о необходимости иметь в жилище три окна и образу Св. Троицы.

¹³⁸ *Байбурын А.К.* Жилище в обрядах и представлениях древних славян. М., 2005. С. 149–157.

¹³⁹ *Лизек А.* Указ. соч. С. 286–287.

¹⁴⁰ См., например: *Дрегер Ф.* Царский кабинет. Хромофотография с рисунка Шадурского. 1851.

период, когда вопросы первоначальных интенций, связанных с ее строительством, отошли на второй план, обращает на себя внимание стремление русских монархов усилить одни и оставить без внимания другие аспекты пространственной организации зала. К числу первых, несомненно, относился вопрос освещения.

Показательна история изменения некоторых элементов фасада в период регентства царевны Софьи. После пожара 1684 года окна нижнего яруса, бывшие прежде двойными, были растесаны¹⁴¹. Колонны, разделявшие их, были удалены, что делало окна большими по размеру и, соответственно, способствовало значительно лучшему освещению палаты. Более того, изобразительные источники середины – второй половины XVIII века (ил. 4) фиксируют интересные изменения, произошедшие с маленькими окнами второго яруса. Окна в северо-западном и юго-западном углу, то есть находящиеся ближе всего к западной стороне палаты и Тайнику, остались без изменения, однако маленькие окна второго яруса северной и южной стен (то есть сбоку от тронного места) были также превращены в большие. С конца XVII века фасад палаты не менял своего облика, а значит, можно предположить, что во время масштабной переделки середины 1680-х годов были растесаны также и окна второго яруса. Очевидно, что в репрезентативном отношении трансформации такого рода указывали на все большее значение, которое приобретала идея света в контексте оформления царского места.

Иллюстрация 4. Главный зал Грановитой палаты с изменениями во внутреннем убранстве и архитектуре, внесенными после пожара 1684 года

Очевидно, что комплекс идей, связанных с пространственной репрезентацией монаршей власти, не был замкнут исключительно в пространстве самой палаты. Напротив, текст, реализованный внутри, был определенным образом поддержан вовне. Так, интересные результаты приносит попытка соотносить объекты Соборной площади с собственно царским местом Грановитой палаты. Использование таких пространственных оппозиций, как «право – лево», «верх – низ», «центр – периферия», указывает на целый комплекс семантических взаимоотношений.

Находясь на троне, царь был обращен спиной к Архангельскому собору, некрополю Рюриковичей и первых Романовых, то есть фактически к могилам предков, что на внешнем уровне повторяло апелляцию к образу предка, реализованную в росписях палаты, особенно восточной стены с ее композицией, изображавшей первых русских князей – Рюрика, Игоря и Святослава (ил. 5). Если в границах самой палаты монарх был обращен лицом к окну Тайника, то в более широкой перспективе – к Теремному дворцу, то есть государевым хоромам, где располагались покои самого царя и царской семьи. Немаловажно также, что

¹⁴¹ Вьюева Н.А., Романенко А.И. Московский Кремль. Дворцы и сады. М., 2003. С. 53.

по левую руку от монарха, располагавшегося на троне, находился Благовещенский собор, домовый храм царей, а по правую – Успенский собор, церемониальный и духовный центр государства¹⁴². Соотнесенность самого концепта власти с более высоким в физическом отношении уровнем, представленная внутри зала многоступенчатым тронным помостом, также нашла свое отражение вовне: помещение Грановитой палаты, размещавшееся на подклети, было фактически поднято на один уровень по отношению к Соборной площади. Последнее было подчеркнуто особой структурой Красного крыльца. В русской традиции крыльцо дома состояло из трех рундуков (пролетов), поскольку «дорогому гостю обычно делалось три встречи»¹⁴³. Красное крыльцо было устроено принципиально иначе, а именно состояло из четырех, а не из трех рундуков, а значит, было на уровень выше любого традиционного жилища, что позволяло актуализировать оппозицию «главное пространство (верх) – периферия (низ)»¹⁴⁴.

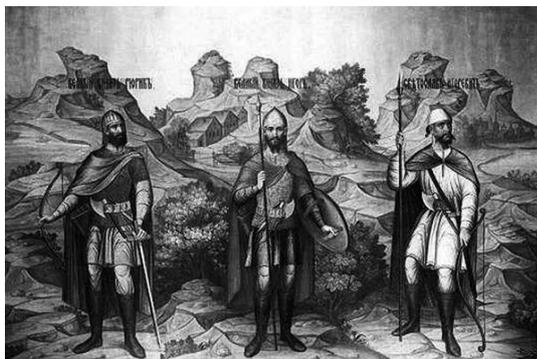

Иллюстрация 5. Фрагмент росписи восточной стены главного зала Грановитой палаты с изображением первых русских князей – Рюрика, Игоря и Святослава

Окружавшие Грановитую палату и царское место внешние цветовые иерархии, как представляется, также апеллировали к идее солнечного цвета. В XVII веке тона, ассоциирующиеся с солнечным светом, то есть золотой (желтый) и красный, вероятно, воспринимались как царские цвета. Они доминировали как в декоре, так и в названиях сооружений Московского Кремля, связанных с царской властью (Золотое крыльцо Теремного дворца, несохранившаяся Золотая решетка на парапете Боярской площадки, Красное крыльцо Грановитой палаты). Примечательно, что в ряде источников личного происхождения сама Грановитая палата названа Золотой¹⁴⁵. При этом важно отметить, что зачастую значение имел не столько сам материал или даже цвет, сколько его семантическое осмысление. Так, упоминавшаяся Золотая решетка была на самом деле сооружена из кованого железа (по преданию – из медных денег, изъятых после Медного бунта 1662 года)¹⁴⁶, что отнюдь не мешало ее трактовке в категориях превосходного порядка. Применительно к периоду конца XVII века говорить о приоритете одного из цветов достаточно сложно, характерным являлось скорее их сочетание. Возможно, на определенном уровне эти цвета взаимозаменяли друг друга¹⁴⁷.

¹⁴² Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 108.

¹⁴³ Забелин И.Е. Русское искусство. Черты и самобытность в древнерусском зодчестве. М., 1900. С. 53.

¹⁴⁴ Интересно, что эта идея была, как кажется, продолжена в проекте перестройки Кремля, предложенном М. Казаковым в конце XVIII в.: от Соборной площади к реке должна была спускаться большая и непременно четырехмаршевая лестница.

¹⁴⁵ Вьюева Н.А., Романенко А.И. Указ. соч. С. 56.

¹⁴⁶ Московский Кремль. М., 2002. С. 105.

¹⁴⁷ Например, крыльцо, ведущее в покои Теремного дворца, называли Золотым или Красным (Вьюева Н.А., Романенко

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно отметить, что для формирования церемониального пространства Грановитой палаты существенное значение имело ориентирование по сторонам света, находившееся при этом в особых семантических взаимоотношениях с рядом пространственных оппозиций («право – лево», «верх – низ», «центр – периферия»). Сама организация пространства здесь предполагала существование и взаимодействие цветовых и эмблематических иерархий. Очевидна также определенная взаимозависимость способов организации внутреннего и внешнего пространства. Именно так выглядели некоторые основные категории пространства власти в контексте тронного зала конца XVII века. Насколько востребованными оказались эти принципы в новую эпоху? Явился ли переход от Московского царства к Российской империи периодом кардинального изменения существующих установок?

Топография власти начала империи – по-настоящему увлекательный и сложный сюжет. Причиной тому – личность первого русского императора и особенно его действия первой половины царствования. До нас дошло всего два описания появления самого монарха на троне¹⁴⁸. При этом одно из них, принадлежащее секретарю шведского посольства Э. Кемпферу, относится еще к периоду совместного правления Петра и Ивана и рисует будущего первого российского императора и-летним мальчиком. Прижизненные русские изображения Петра I на троне также весьма малочисленны¹⁴⁹ и не нагружены какими бы то ни было пространственными коннотациями, за исключением достаточно четкой репрезентации тронного места, неизменно состоящего из помоста, кресла и балдахина¹⁵⁰. К тому же, по крайней мере, до середины 1710-х годов Петр I активно использовал в представительских целях «торжественные» залы во дворцах своих подданных: дом А.Д. Меншикова в подмосковном селе Семеновское, Лефортовский (Петровский) (Д. Аксамитов, 1697–1699) дворец на Яузе, Меншиковский дворец в Санкт-Петербурге (Д.М. Фонтана, Г.И. Шедель, 1710–1727) и административные помещения разного рода (Аудиенц-камера в Здании «мазанковых коллегий» на Троицкой площади, Почтовый двор)¹⁵¹.

Все это создавало на первый взгляд достаточно простую картину: Петр I был «чужд церемоний», любил маленькие комнаты с низкими потолками, а его аудиенции представляли собой всего лишь «простые посещения»¹⁵². Вместе с тем такое откровенное нежелание монарха в это время дать более или менее четкое определение представительскому пространству, а также стремление по мере возможности уклоняться от официального цере-

А.И. Указ. соч. С. 71).

¹⁴⁸ *Аделунг Ф.* Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб., 1827. С. 349–350; Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем посольского посольства в 1720 г. // Беснятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 156–157.

¹⁴⁹ См., например: гравюра Я. Нахтгласса «Триумфальная картина на взятие Азова», датированная началом XVIII в., изображение «Чествование победителя», ставшее фрагментом декора триумфальных ворот А.Д. Меншикова (архитектор И. Зарудный), сооруженных в Москве по случаю полтавского триумфа 1709 г., а также портретные изображения семьи первого русского императора конца 1710–1720-х гг., выполненные художником-миниатюристом на эмали Г.С. Мусикийским (*Борзин Б.Ф.* Росписи петровского времени. Д., 1986. С. 153, 164, 167).

¹⁵⁰ Более подробно об этом см: *Болтунова Е.М.* Трон Великого Петра: к вопросу о семантике тронных залов в России XVIII в. // Труды Русской антропологической школы. М., 2008. Вып. 5. С. 496–521.

¹⁵¹ *Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга: Северо-Западная Библийская Комиссия. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. СПб., 1997. С. 176; *Калягина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В.* Дворец Меншикова. М., 1986; *Йогансен М.В.* Здание «мазанковых коллегий» на Троицкой площади Петербурга // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX в. / Ред. Т.В. Алексева. М., 1984. С. 73–86; *Канн П.Я.* Прогулка от Летнего дворца до Зимнего дворца по Дворцовой набережной. СПб., 1996 (особенно с. 66–68); Федор Головин и Яузская Москва / Сост. С.Л. Малафеева, И.А. Работкевич. М., 2002. С. 87; *Болтунова Е.М.* Петр Великий в топографии града Петрова: идея преемственности власти в символике императорских мест Санкт-Петербурга XVIII в. // Труды государственного Эрмитажа. СПб., 2006. Т. 32 (= Петровское время в лицах, 2006). С. 52–60; *Она же.* Трон Великого Петра: к вопросу о семантике тронных залов в России XVIII в.

¹⁵² *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. М., 1899. С. 146–147.

мониала как такового является, вероятно, свидетельством определенного переходного периода. Возможно, речь идет даже о понимании сложности выработки концепта подобного рода.

Однако такое нарочито ломающее стереотипы поведение Петра I в отношении формального ритуала не стоит абсолютизировать, особенно применительно к последнему десятилетию его царствования. Прекрасным примером тому могут стать действия монарха во время посещения Парижа в 1716 году. В одном из интереснейших источников этого периода – «Журнале путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 г.»¹⁵³ – Петр I предстает в совершенно ином свете.

Согласно этому документу для приема русского монарха в «старом Лувре» были приготовлены великолепные «покои». Прибыв во дворец, Петр I оценил гостеприимство («целые полчаса ходил вокруг горницы и удивлялся великолепию придворной мебели»¹⁵⁴), однако «решительно отказался» от предложенных апартаментов и «попросил маршала Тесе проводить его в Лездигиерской дом, неподалеку от Арсенала, который также был для него приготовлен». Несмотря на уговоры («маршал сколько возможно упрашивал его... и говорил, что Король [Людовик XV] будет очень доволен, если он останется в Лувре хотя три дня»), Петр в тот же вечер покинул Лувр. Между прочим, во время этой сцены Петр I не преминул упомянуть о своей любви к маленьким помещениям, что не помешало ему настаивать на переезде в приготовленный для него дом¹⁵⁵.

Столь, казалось бы, неожиданное и неудобное для французской стороны поведение вполне разъяснилось на следующее утро, когда царь на правах хозяина предоставленного ему дома начал принимать высших чинов Франции. Посещение прибывшего к русскому царю принца-регента представляло собой целый церемониал, которому Петр I оказался совсем не чужд:

Его Королевское Высочество [Регент Филипп Орлеанский] был встречен Его Царским Величеством [Петром I] в дверях прихожей; отсюда пошли они в его комнату, где приготовлено было двое кресел: *Царь сел по правую сторону, а Герцога Орлеанского попросил сесть полевую в двух шагах от него* (здесь и далее курсив мой. – Авт.)... Конференция продолжалась полчаса, потом они вышли и приметно было, что *Царь нарочно шел елевой стороны, уступив правую Герцогу Орлеанскому. Его Королевское Высочество, видя себя с правой стороны, хотел было занять левую, но царь до того не допустил* и шел с ним таким образом до прихожей; четверо чиновников, которые были при встрече, проводили его до самой кареты¹⁵⁶.

Перед нами ситуация, когда Петр I демонстрирует не только понимание ритуала как такового, но и осознание важности подобного церемониала. Царь, вероятно, совершенно осмысленно уклоняется от предлагаемого ему статуса почетного гостя в Лувре, стремясь создать свое, пусть и временно, но исключительно ему принадлежащее пространство. Посредством простой, но эффективной манипуляции он меняет ход событий: выстроенная таким образом дистанция между русским царем и пространством французской королевской власти задает иные нормы поведения (например, свита регента не смеет въехать во двор предоставленного царю дома). Таким образом, Петр I, став временным хозяином дома, по сути становится хозяином положения.

¹⁵³ Журнал путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 г. // Отечественные записки. 1822. Ч. 12. С. 145–166.

¹⁵⁴ Там же. С. 151.

¹⁵⁵ Там же. С. 153–154.

¹⁵⁶ Там же. С. 157–158.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Петр I, попадая в сферу тотальной ритуализации, ведет себя вполне адекватно, то есть демонстрирует умение «считывать» некоторые общие положения поведенческого кода. Например, «право» и «лево» появляются в тексте еще несколько раз – при описании посещения короля и графини дю Барри¹⁵⁷. Впрочем, очевидно, что использовать эти вполне универсальные для репрезентации монаршей власти категории Петр научился еще в детстве. Об этом свидетельствует, например, сохранившийся двойной серебряный трон царей Ивана и Петра, созданный в мастерских Московского Кремля в начале 1680-х годов для символического оформления столь необычной композиции власти. Он состоял из двух сидений, правое из которых предназначалось для старшего и особенно важного для поддержания статуса царевны Софьи Ивана, а левое – для юного Петра¹⁵⁸.

Очевидно также и то, что со второй половины царствования (с конца 1710-х годов) позиция Петра в отношении церемониального пространства меняется, что, возможно, не в последнюю очередь было связано с его второй масштабной поездкой в Европу. Именно в 1710-х годах он все чаще начинает использовать для представительских целей собственные дворцы («Свадебная зала» 2-го Зимнего дворца Петра I [«Зимний дом» арх. Д. Трезини, 1711]¹⁵⁹, Большая зала 3-го Зимнего дворца Петра I [«Новый Зимний дом» арх. Г.-И. Маттарнови, 1716–1727] в Санкт-Петербурге, а также Грановитая палата Московского Кремля, задействованная в коронационных торжествах 1724 года).

Более того, именно в это время монарх активнее, чем когда-либо, начинает обзаводиться собственными резиденциями. Помимо возведения нового (третьего по счету и, несомненно, самого большого и представительного) Зимнего дворца на набережной Невы, в Летнем саду специально для празднования свадьбы цесаревны Анны Петровны и голштинского герцога начинает строиться «Зала для славных торжеств». Петровский дворец появляется и на территории крепости Шлиссельбург (1722, Д. Трезини). По мнению ряда исследователей, это сооружение «не уступало дворцовым постройкам столичной летней резиденции», поскольку сам дворец, главное место в котором занимал большой зал, должен был стать «ареной проведения торжеств»¹⁶⁰. У императора были серьезные виды и на Москву: в конце царствования он намеревался осуществить масштабный проект перестройки памятного ему с детства села Преображенского, создав на Яузе целый дворцовый ансамбль. И хотя из одобренного Петром I проекта П. Еропкина почти ничего не было осуществлено¹⁶¹, стремление монарха представляется знаковым.

После смерти первого русского императора число представительских помещений росло неуклонно. При этом строительство в начале XVIII века нового имперского центра Санкт-Петербурга при частичном сохранении за Москвой функций столичного города привело к появлению на протяжении столетия значительного числа помещений государственно-представительского порядка в обоих городах. Так, в Северной столице в числе последних могут быть названы Тронные (Большие) залы в Зимнем дворце Анны Иоанновны¹⁶², Летнем дворце императрицы Елизаветы Петровны (1741–1745, Ф.-Б. Растрелли), Временном деревянном Зимнем дворце на Невской перспективе (1754–1755, Ф.-Б. Рас-

¹⁵⁷ Там же. С. 160, 165, 319.

¹⁵⁸ Подробнее об этом троне см.: *Бобровницкая И.А.* Регалии русских государей. М., 2004.

¹⁵⁹ Утвердившееся за этим помещением название связано с тем, что именно здесь 19 февраля 1712 г. состоялось празднование свадьбы Петра I и Екатерины.

¹⁶⁰ *Иогансен М.В., Кирпичников А.Н.* Петровский Шлиссельбург (по новооткрытым архивным материалам) // Русское искусство первой четверти XVIII в.: Материалы и исследования / Ред. Т.В. Алексеева. М., 1974. С. 42.

¹⁶¹ О проектах переустройства Преображенского см. подробнее: Федор Головин и Яузская Москва. С. 73–74.

¹⁶² Этот дворец состоял из комплекса зданий, основу которых составлял первоначально дворец генерал-адмирала Ф.М. Апраксина (1716–1720, Ж.Б. Леблон), в начале 1730-х гг. здесь был также построен новый корпус (Ф.-Б. Растрелли).

трелли), многочисленные тронные залы Зимнего дворца, украшающего теперь Дворцовую набережную (1754–1762, Ф.-Б. Растрелли), Михайловского замка (1797–1801, В.И. Баженов, В.Ф. Бренна¹⁶³), а также представительские помещения загородных резиденций. В Москве, в свою очередь, можно указать на расположенный в Кремле дворец императрицы Елизаветы Петровны (Д.В. Ухтомский по проекту Ф.-Б. Растрелли, 1752–1753), а также на многочисленные Яузские дворцы (Лефортовский [Петровский] дворец, Головинский дворец, дворец Бестужева-Рюмина, перестраиваемые несколько раз Зимний [1730, Ф.-Б. Растрелли] и Летний [1730–1732, Ф.-Б. Растрелли] Анненгофы, а также Екатерининский дворец [1770-е годы, А. Ринальди]). В Москве и в Санкт-Петербурге тронные залы размещались как в городском центре, так и, условно говоря, на периферии, то есть за городом. При этом в Санкт-Петербурге они располагались вдоль Петергофской дороги (к юго-западу от города), а в Москве – на Яузе в районе Лефортово (юго-восточное направление).

Очевидно, что при наличии нескольких церемониальных помещений выбор того или другого мог быть связан как с категориями символического ряда, так и с соображениями вполне практического свойства – ремонт, устранение последствий пожара, смена декора, сильный ветер в окна, в конце концов, желание самого монарха. Очевидно, в каждом конкретном случае необходимо искать свой ответ, не впадая, впрочем, в соблазн превратить эпоху барокко в период господства рациональности и утилитарности.

Помимо продолженной в XVIII веке тенденции к множественности тронных залов от прежнего периода сохранилась и традиция расположения тронных залов на более высоком уровне. При этом речь идет как о залах, использовавшихся во время правления Петра Великого (залы Лефортовского (Петровского), Меншиковского, 3-го Зимнего и Летнего дворцов), так и о тронных его потомков (Зимний дворец Анны Иоанновны, Летний дворец Елизаветы Петровны и проект елизаветинского тронного зала в Зимнем дворце, Георгиевский зал Зимнего дворца, Михайловский замок).

Безусловно, тронные залы на первом этаже также существовали. Но, во-первых, их число незначительно, а во-вторых, в подобных случаях они никогда не были приоритетными в функциональном отношении. В качестве примера можно указать на Тронную Нижних апартаментов Гатчинского дворца цесаревича Павла Петровича. Этот располагавшийся на первом этаже зал, безусловно, имел второстепенное значение по отношению к существовавшим здесь же Верхней тронной (в бельэтаже), где обычно стояло парадное кресло императора, и Золотой (Чесменской) галерее, также использовавшейся для проведения церемоний.

Более высокий уровень расположения монарха, впрочем, сопровождал репрезентации императорской власти и вне дворцовых помещений. Так, во время коронации Екатерины I в 1724 году на Соборной площади Московского Кремля между Красным крыльцом, Успенским и Архангельским соборами был положен помост для «похода ея величества». Специальные мостки регулярно появлялись и на Невском проспекте в день св. Александра Невского (30 августа) в 1740-1750-х годах и предназначались для паломничества императрицы Елизаветы Петровны в Александро-Невскую лавру. Подобная трактовка отразилась в названиях топографических зон, напрямую связанных с символикой власти. Например, 20 апреля 1738 года появился указ, согласно которому подданным государыни надлежало «набережную от Летнего Его императорского величества дома на берегу Большой Невы именовать

¹⁶³ Одни историки называют автором проекта В.И. Баженова, другие – В. Бренна. Подробнее об этом споре см.: *Шуйский В.К.* Винченцо Бренна. Л., 1986; *Кожин Н.А.* Проект Михайловского замка В.И. Баженова // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1946. Вып. 1. С. 49–54; *Весенина Н.Н., Раскин А.Г.* Первоначальный проект Михайловского замка: Баженов или Бренна? // Петербургские чтения: Тезисы докладов конференции. СПб., 1992. С. 110–114; *Хайкина Л.В., Пучков В.В.* «Под диктовку Его Высочества...» // Михайловский замок. СПб., 2004. С. 14–40.

Верхней (курсив мой. – *Авт.*) набережной» (в отличие от Нижней, позже Английской набережной).

В XVIII веке серьезному переосмыслению подвергся и такой важный аспект, как связь концепта монаршего места с ориентацией по сторонам света. Сакральное для XVII века юго-восточное направление, по всей видимости, сохранило свое значение для реализации идеи монарха в древней столице. Прежде всего, здесь стоит отметить, что, несмотря на некоторое изменение пространства Грановитой палаты, в частности на тенденцию закрывать ставшие, видимо, малоактуальными росписи стен и оконных проемов, расположение трона не менялось здесь на протяжении не только XVIII века, но и всего периода империи. Это последнее обстоятельство указывает на то, что старейшее из представительских помещений, созданное еще в доимперской России, является не только уникальным источником формирования символики власти как таковой, но и свидетельством укорененности целого ряда представлений о монаршей власти в России.

Очевидно, что именно этот концепт оказал влияние на дворцы, появившиеся в Кремле в период правления императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Так, тронный зал дворца Анненгоф, располагавшегося в Кремле, а затем перенесенного на Яузу, находился в юго-восточной части дворца¹⁶⁴. Двухфасадный Кремлевский дворец Елизаветы Петровны, простоявший более половины столетия, был также сориентирован на восток (к Соборной площади) и на юг (к Москве-реке).

Интересные трансформации произошли с осмыслением юго-восточного направления в контексте имперской топографии Санкт-Петербурга. Очевидно, что отголоски представлений о юго-востоке как о направлении, указывающем на концепт монаршей власти, здесь также присутствовали. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что юго-восточный бастион Петропавловской крепости был назван Государевым. Едва ли речь идет о случайности. Ведь именно эта часть крепости оказалась задействована в целом ряде акций. Так, на бальверке юго-восточного (Государева) бастиона Петропавловской крепости 30 августа 1723 года был установлен знаменитый Ботик Петра I¹⁶⁵, который простоял здесь более 40 лет, до постройки возле Петропавловского собора специального «Ботного дома» (1765). Являвшийся неотъемлемой частью канонической истории царствования Петра I и закрепивший за собой наименование «Дедушка российского флота», Ботик воспринимался не иначе как символ зарождения мощного военно-морского флота. Очевидно, что «приписка» этого вполне знакового объекта к данному району крепости лишней раз подчеркивала семантические коннотации, связанные с юго-востоком.

Вместе с тем уже в первой половине XVIII века в государственно-представительских помещениях новой столицы произошла переакцентировка пространства тронных залов в сторону, противоположную традиционной, то есть в направлении севера и запада¹⁶⁶. Подобное положение (особенно после смерти Петра I) было, вероятно, связано с необходимостью ориентации в сторону Невы, ставшей значимым имперским символом, а также – что особенно важно – по отношению к месту упокоения первого русского императора (усыпальнице Петропавловского собора). Последнее в определенной степени повторяло взаимоотношения, установившиеся на символическом уровне между Грановитой палатой и Архангельским собором. Очевидно, что новые коннотации северной и особенно западной стороны, появившиеся в петровское и послепетровское время, также имели значение.

¹⁶⁴ Летний Анненгоф. 30-е гг. XVIII в. Арх. Ф.-Б. Растрелли. Планы второго этажа (*Евангулова О.С.* Архитектурный ансамбль Лефортово в первой половине XVIII в. // Вестник Московского университета. 1962. Серия IX. История. № 5. С. 75).

¹⁶⁵ *Курносов С.Ю.* Ремонты и реставрации ботика Петра I // Труды центрального военно-морского музея: Сборник статей. СПб., 1999. Вып. 1. С. 88.

¹⁶⁶ Об этом см. подробнее: *Болтунова Е.М.* Петр Великий в топографии града Петрова. С. 52–60.

Юго-восток, безусловно, отошел на второй план в петербургских резиденциях периода правления трех первых императриц (Екатерины I, Анны и Елизаветы). Интересно, что это направление само по себе, не утратив своего сакрального статуса, стало осмысляться в контексте частного пространства монарха. Особенно примечательной в этой связи кажется позиция императрицы Елизаветы Петровны. Дочь Петра I, как известно, была чрезвычайно религиозна, а значит, не могла не принимать во внимание православную традицию, связанную, в частности, с ориентацией сакрального по сторонам света. Судя по плану расположения комнат Зимнего дворца, тронный зал располагался на северо-западе, тогда как юго-восток оказывался пространством, в которое должны быть помещены Большая церковь Зимнего дворца и личные покои самой императрицы (ил. 6). Наследнику российского престола великому князю Павлу Петровичу отводился не менее знаковый юг, комнаты великой княгини Екатерины вполне стандартно в гендерном отношении должны были располагаться в западном крыле дворца. Таким образом, юго-восток оказывался зоной духовного и частного.

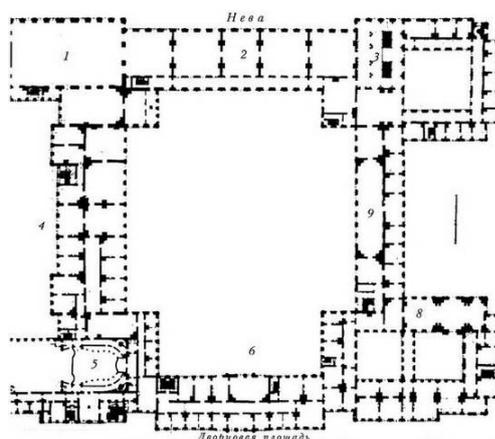

Иллюстрация 6. План расположения комнат в Зимнем дворце при Елизавете Петровне

Ситуация стала иной в царствование Екатерины II, которая принципиально изменила назначения комнат Зимнего дворца. Следует отметить, что в представительских целях Екатерина II использовала целый ряд помещений, но очевидное предпочтение отдавала именно юго-восточной части дворца. Один из ее тронных залов находился в юго-восточном ризалите, второй (Георгиевский зал) – в юго-восточной части дворца. При этом в обоих случаях, располагаясь на троне, императрица была обращена спиной к востоку, а церемониальное движение к монаршей особе оказывалось «классическим» русским движением к трону – на юг, а затем на восток (ил. 7).

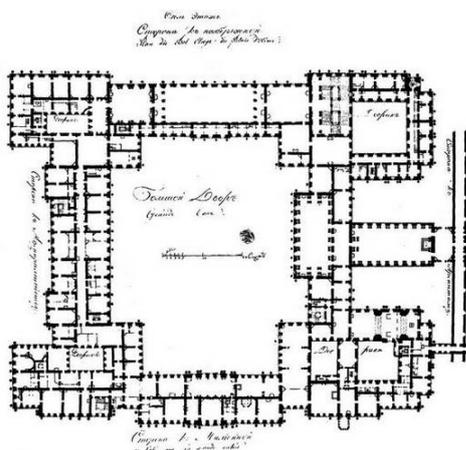

Иллюстрация 7. План расположения комнат в Зимнем дворце при Екатерине II

Интересно также и то, что в пространстве екатерининского дворца залы находились близко к Большой церкви и при этом были расположены параллельно ей. Таким образом, тронное место оказывалось фактически на одном уровне с алтарной частью Большой церкви Зимнего дворца. Возвращение к линии юго-восток при Екатерине II в контексте принципиально иначе ориентированного пространства Петербурга, безусловно, маркирует определенную тенденцию. Возможно, в данном случае перед нами стремление акцентировать традиционный русский контекст. В период правления Екатерины II, для которой легитимация власти оказывалась важнейшей задачей всего правления, традиционные русские коннотации властного дискурса оказывались актуальными даже в границах имперского пространства.

Вместе с тем следует отметить, что устойчивость ориентации на восток больше не связывается напрямую с традицией красного угла. Представление об угловом размещении царского места в XVIII веке оказывается утраченным. Вероятнее всего, этот старомосковский принцип вступал в серьезное противоречие с барочным представлением о композиционном центре и линейности движения. Последним случаем организации царского места исходя из подобной трактовки можно назвать празднование в 1702 году свадьбы шута Феофилакта Шанского в Лефортовском (Петровском) дворце, построенном молодым Петром I для своего фаворита Франца Лефорта, но активно использовавшемся для церемоний самого разного рода. Судя по сохранившемуся изображению Большой залы, стол, за которым находился царь Петр, был расположен именно в красном углу (ил. 8). Отметим, что уже через 10 лет ситуация принципиально изменилась. На гравюре А.Ф. Зубова «Свадьба Петра I и Екатерины 19 февраля 1712 г.» (1712) место Петра I определено принципиально иначе – монарх сидит у «оконной» стены зала, ровно по центру (ил. 9). Такой вариант расположения трона – по центру, между окнами – стал абсолютной доминантой для оформления представительских помещений XVIII века.

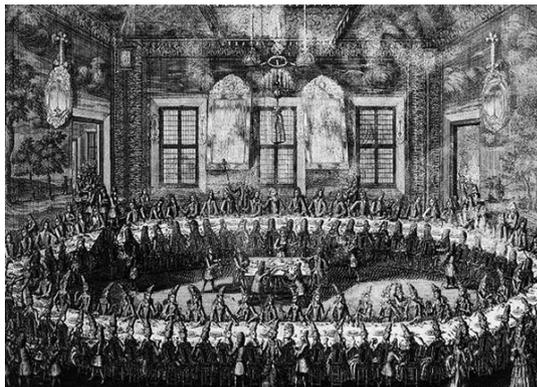

Иллюстрация 8. Гравюра с изображением Большого зала Лефортовского дворца (начало XVIII века)

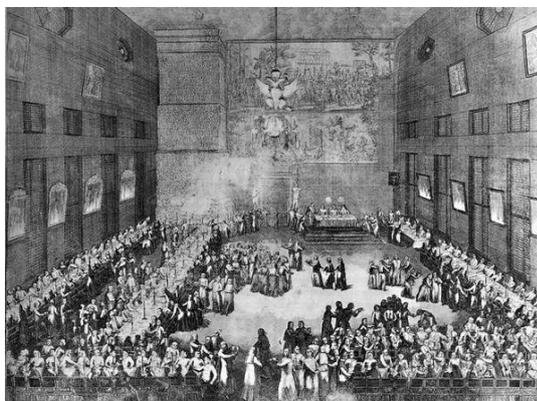

Иллюстрация 9. Гравюра А.Ф. Зубова «Свадьба Петра I и Екатерины 19 февраля 1712 г.» (1712)

Единственным пространством, в рамках которого расположение царского места осталось сориентированным по красному углу, была Грановитая палата. Вместе с тем представляется, что нежелание перемещать трон в этом пространстве было вызвано не столько принципиальными, сколько практическими соображениями. Ведь квадратная в плане палата казалась еще более маленькой за счет центрального массивного столба. Перемещение трона в центральную часть зала (напротив входа из Святых сеней) в этих условиях оказывалось практически невозможным. С одной стороны, такое размещение императорского места существенно ограничивало (если не сказать блокировало) обзор монарху, в поле зрения которого постоянно находилась бы одна из граней столба. С другой стороны, расположение трона у центра восточной стены абсолютно искажало идею линейности движения, поскольку направлявшийся к монарху человек был бы вынужден не только подойти, но и, вероятнее всего, находиться во время аудиенции сбоку от государя. Как указывалось выше, трон, традиционно размещавшийся в юго-восточном углу Грановитой палаты, также исключал возможность линейности. Однако такое положение, по крайней мере, создавало ощущение большей длительности церемониального движения, не говоря уже об очевидной правильности последнего, поскольку двигавшиеся в пространстве палаты представляли именно «пред очи государевы».

По-прежнему важной оказалась и традиционная для топографии власти XVII века апелляция к образу предка (предков), о чем свидетельствует упоминавшаяся выше ориентация тронных залов Санкт-Петербурга в сторону Петропавловской крепости с собором и усыпальницей Романовых. Более того, как и в предыдущее столетие, изображения предков

использовались для оформления тронного пространства. В данном случае, однако, в качестве такой фигуры выступал не основатель династии, а создатель империи (Петр I). При этом, как ни парадоксально, такой фактор, как отсутствие у самого Петра I четкой концепции тронного зала, не препятствовал соположению образа Петра-монарха с темой монаршего престола, Петра-императора – с мотивом императорского трона или, шире, тронного зала¹⁶⁷.

Поддерживаемая в период правления племянницы и дочери первого русского императора¹⁶⁸, эта традиция оказалась особенно актуальной во второй половине века, когда возможность конституировать свои связи с создателем империи простым указанием на родство оказалась исчерпанной. Портреты Петра I использовались во второй половине XVIII века для оформления «задника» тронного места, то есть размещались позади императорского трона (конный портрет императора Петра Великого¹⁶⁹ (Ж. – по другим данным Ф. – Жувене) в Тронной Нижних апартаментов Гатчинского дворца Павла I; шпалера «Петр I, спасающий рыбаков во время бури на Ладожском озере», в Тронном зале Большого дворца в Петергофе). Безусловно, свое абсолютное воплощение эта идея нашла в появлении уже в XIX веке в Зимнем дворце так называемого Петровского зала (1833,0.-Р. Монферран, восстановлен В.П. Стасовым), украшенного многочисленными элементами петровской атрибутики (монogramмы Петра Великого, аллегорическое полотно «Петр I с Минервой» [Дж. Амикони], изображения сражений Северной войны [битва при Лесной, Полтавская битва]) и ставшего по своему функциональному назначению Малой тронной. Небезынтересен также и нереализованный елизаветинский проект площади перед Зимним дворцом с конным памятником Петру Великому в центре¹⁷⁰.

Отметим, что в царствование Екатерины II особенное значение приобрела традиционная идея оформления тронного зала указанием не столько на фигуру одного предка (Петра I), сколько на тот или иной вариант династической истории, что, безусловно, открывало возможность манипулирования идеей предшественника для выстраивания собственного концепта легитимации власти. Так, один из аванзалов, ведущих к тронному залу Екатерины II в юго-восточном ризалите Зимнего дворца, был украшен портретами представителей династии, начиная, вероятнее всего, от Алексея Михайловича до самой Екатерины II¹⁷¹. Упомянутый Тронный зал Большого дворца в Петергофе также представлял своего рода галерею – между окнами второго света были представлены портреты представителей династии Романовых, а над дверями, которых в этом зале четыре, – парадные изображения Петра I, Екатерины I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

Впрочем, нельзя не указать на то, что эта традиция в екатерининское время была доведена до своего абсолюта: при оформлении монаршего места в тронных залах дворцов императрица использовала собственные портреты¹⁷². Именно так в упоминавшемся выше Тронном зале Большого дворца в Петергофе непосредственно над тронном появился конный

¹⁶⁷ Болтунова Е.М. Трон Великого Петра. С. 496–521.

¹⁶⁸ См., например, информацию об оформлении (так называемом) Кабинета Петра Великого в Петербургской Кунсткамере (Беляев О.П. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. С. 2–21) или появлении образа Петра I в фейерверочных композициях периода правления императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны (Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII в. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002. С. 222–223, 244–246).

¹⁶⁹ Макаров В.К., Петров А.Н. Гатчина. СПб., 2007. С. 105.

¹⁷⁰ Реляция о зданиях, построенных в царствование славной памяти императрицы Анны, а также в царствование ныне правящей императрицы под руководством архитектора графа де Растрелли, итальянца по национальности // Батовский З. Архитектор Растрелли о своих творениях. Материалы деятельности мастера. СПб., 2000. С. 73.

¹⁷¹ Агеева О.Г. От Петра I до Екатерины II: Диссертация. М., 2007. С. 589.

¹⁷² Отметим, что в Летнем дворце Петра I в Тронной, использовавшейся и после смерти монарха, непосредственно над тронном также висит портрет хозяйки зала – Екатерины I. Вопрос о справедливости такой реконструкции, однако, остается открытым.

портрет Екатерины II в мундире полковника лейб-гвардии Семеновского полка (В. Эриксен, 1762). Показательно, впрочем, что последующие российские монархи отказались от идеи использования собственного изображения в оформлении тронного места. Речь могла идти лишь о вензеле (в том числе и троне-кресле¹⁷³).

Более того, указания на прямую персонификацию стали все чаще замещаться государственной символикой, прежде всего изображением позади трона двуглавого орла¹⁷⁴. Подобное осмысление концепта власти, впрочем, не являлось разрывом с предыдущей традицией: этот принцип использовался еще в представительских покоях XVII века (Престольная палата Теремного дворца). При этом очевидно, что двуглавый орел в данном случае становится универсальным символом, способным, с одной стороны, выделить пространство на знаковом уровне, а с другой – корректировать последнее, скрывая элементы, не являющиеся в имперском отношении значимыми (в XVIII веке стены Грановитой палаты были затянуты темно-вишневым бархатом с изображением двуглавых орлов¹⁷⁵).

Немаловажно также и то, что пространство тронных залов XVIII века, как и прежде, было напрямую связано с такой категорией, как свет. Прежде всего, следует отметить, что тронные русских императоров этого времени представляли собой двухсветный (то есть освещенный с двух сторон) зал (тронная Летнего дворца Петра I, а также тронные Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II в соответствующих Зимних дворцах Санкт-Петербурга, а также Большой зал Лефортовского [Петровского] дворца и Тронные залы в Зимнем и Летнем Анненгофе под Москвой, использовавшиеся Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной). Не ушла в прошлое и идея так называемого второго света, то есть сочетания больших и малых окон, расположенных друг над другом в два ряда по одной стене (залы Лефортовского [Петровского] и Головинского дворцов, Зимнего и Летнего Анненгофа, а также Георгиевский зал Зимнего дворца¹⁷⁶).

Идея света, кроме того, была поддержана появившейся в петровское время традицией декорировать представительские помещения зеркалами. Зеркала украшали Большую (Столовую) палату Лефортовского (Петровского) дворца, тронные залы Летних дворцов Петра I и Елизаветы Петровны. Очевидно, что зеркала в данном случае компенсировали недостаток освещения. Именно так, например, было «выстроено» пространство одной из тронных Екатерины II (Аудиенц-камера). Комната имела всего 4 окна, выходивших на Адмиралтейский луг, однако между окнами и, что особенно существенно, напротив них находились зеркала¹⁷⁷.

Цветовая гамма, доминировавшая в имперской топографии, также во многом оказалась заимствованной из предшествующего столетия. Здесь по-прежнему были востребованы все оттенки золотого и красного тона. Причем речь шла как о цвете фасада, так и о цветовом декоре представительских помещений. В первом случае можно назвать целый ряд объектов Санкт-Петербурга, связанных с формированием топографии власти, таких, например, как раскрашенный под кирпич Домик Петра I (первоначально называвшийся «Красные хоромы»), желтый с красно-кирпичными вставками Летний дворец Петра I, ярко-золотой

¹⁷³ См., например: *Камерон Ч.* Неосуществленный проект тронного кресла для Екатерининского дворца в Царском Селе, 1780-е гг. // Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Серия Рисунок XVIII–XX веков. М., 1996. Т. 1: Рисунок XVIII века. С. 84; *Батовский З.* Указ. соч. С. 31.

¹⁷⁴ Тронная императора Павла I. Акварель Э.П. Гау. 1879.

¹⁷⁵ См., например: Венчание на царствие Екатерины II. 22 сентября 1762 г. Парадный обед в Грановитой палате. Гравюра А.Я. Калашинкова (последняя четверть XVIII в.); Прием 1764 года в Зимнем дворце. Гравюра с рис. М.И. Махаева (вторая половина XVIII в.).

¹⁷⁶ Летний Анненгоф. 30-е гг. XVIII в. Арх. Ф.-Б. Растрелли. Планы второго этажа (*Евангулова О.С.* Указ. соч. С. 75); Лефортовский ансамбль 1742 г. План Зимнего дворца. Чертеж В. Обухова (*Она же.* Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. С. 65). Реконструкция второго этажа Головинского дворца (Там же. С. 31).

¹⁷⁷ *Агеева О.Г.* Указ. соч. С. 585.

Летний императрицы Елизаветы Петровны¹⁷⁸. Красный тон присутствовал в интерьере Большой столовой палаты Лефортовского (Петровского) дворца на Яузе¹⁷⁹ и Тронного Екатерины I в Летнем дворце. Показательно и то, что Большой зал так называемого 3-го Зимнего дворца Петра I («Новый Зимний дом» Г.-И. Маттарнови) также хотели украсить красным мрамором. Идея не была реализована, вместо этого в зале появилась роспись в красных тонах¹⁸⁰. Эта же цветовая гамма присутствовала в церемониальном пространстве власти (императорские регалии, тронные кресла, балдахины, коронационные платья¹⁸¹).

Что касается внутренней отделки, то недолгое правление императора Иоанна Антоновича может послужить здесь великолепным примером. Практически сразу после падения Бирона новый регент – мать императора Анна Леопольдовна – приказывает обить «малиновым штофом» десять покоев Зимнего дворца. В середине лета 1741 года правительница занялась обустройством нового тронного зала. 30 июля Камер-Цалмейстерской конторе был объявлен *устный приказ правительницы* «разостлать в галерее на полу от дверей до трону сукно красное шириною в 7 полотнищ, обложка кругом по борту позументом золотым средним». В «галерее» предполагалось установить тронное кресло, обитое «пунцовым» бархатом и украшенное золотым позументом¹⁸². Интересно, что, помимо прочего, эта галерея была также декорирована зеркалами: во время происшедшей здесь аудиенции персидского посла 20 октября 1741 года несколько зеркал были (вероятно, случайно) разбиты одним из участников процессии¹⁸³. В целом очевидно, что Анна Леопольдовна (отметим еще раз, что приказ об оформлении зала был устный) видела декор своего тронного зала исключительно в красно-золотых тонах. К тому же всего через месяц после упомянутого указа – 28 августа – Камер-Цалмейстерская контора получила новое указание – сделать для императора Иоанна Антоновича «два маленькия кресла с сидением». Их также следовало «обить малиновым бархатом и обложить золотым узким позументом»¹⁸⁴.

В XVIII веке, впрочем, цветовая символика была дополнена тенденцией непосредственного соединения красного и золотого тона, что выразилось в появлении цвета оранжевый. Этот золотистоохристый (палевый) цвет с той или иной доминантой одного из оттенков стал главным для фасадов Меншиковского дворца, Зимнего дворца Елизаветы Петровны/Екатерины II и Михайловского замка.

Как и в конце XVII века, цветовые коннотации были связаны не только с цветом как таковым, но и с его семантикой (принадлежностью к дискурсу власти). Так, например, первый дворец Екатерины I в Санкт-Петербурге, располагавшийся, вероятно, на месте нынешнего Павильона Росси в Михайловском саду, именовался не иначе как Золотые палаты, хотя, судя по представленным источникам, золотыми (точнее, позолоченными) в нем были лишь обои и фонарик на крыше¹⁸⁵. Видимо, аналогичным образом обстояло дело и со Светлой галереей Зимнего дворца Анны Иоанновны, некоторое время использовавшейся императрицей Елизаветой в качестве тронной. Галерея, окна которой выходили во внутренний двор,

¹⁷⁸ Летний дворец Елизаветы Петровны. Гравюра А.А. Грекова с рис. М.И. Махаева. 1753.

¹⁷⁹ Подольский Р. Петровский дворец на Яузе // Архитектурное наследство. 1951. № 1.

¹⁸⁰ Михайлов Г.В. Зимние дворцы Петра I. История строительства. Архитектурное и художественное убранство. События и люди. СПб., 2002. с. 75–76.

¹⁸¹ Жабрева А.З. Коронационные костюмы Петра I и Екатерины I в документах и материалах // Университетские Петербургские чтения / Ред. Ю.В. Кривошеева и М.В. Ходяков. СПб., 2003. С. 358–364; Тункина И.В. Уникальный памятник русской истории – Коронационный альбом императрицы Елизаветы Петровны // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2005. Т. 1. С. 434–446.

¹⁸² Внутренний быт Российского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. М., 1880. Кн. 1: Верховная власть и императорский дом. С. 95.

¹⁸³ Там же. С. 102.

¹⁸⁴ Там же. С. 100.

¹⁸⁵ Дубяго Т.Б. Русские регулярные сады и парки. Л., 1963. С. 86–87.

очевидно, не была самым светлым помещением дворца. Вероятно, здесь также срабатывали семантические коннотации: дело не в том, что галерея была хорошо освещена, а в том, что свет излучала сама персона государыни. По определению Г. Каганова, очень точно подметившего это свойство барочного государя, «все это были изъявления славы, исходящей от царственного тела и „осиявающей“ не только столицу, но и всю страну... Любое ее (императрицы. – *Авт.*) движение, любой поворот или перемещение были в глазах современников уже деяниями и сопровождались вспышками славы, материализованной в тех или иных „великолепиях“ и „щедротах“»¹⁸⁶.

Появление «царских» цветов вне прямого контекста репрезентации императорской власти, как кажется, могло быть одним из способов демонстрации целого ряда смысловых коннотаций. Так, выбор в качестве основы цветовой гаммы красного, золотого или их сочетания часто указывал на наиболее значимое, существенное, центральное, «высокое» в противоположность «низкому» и «профанному». Например, в контексте всего вышесказанного более очевидным становится выбор цвета униформы для лейб-компанцев, роты гвардейцев Преображенского полка, при прямой поддержке которых был произведен переворот 25 ноября 1741 года и возведена на престол дочь Петра I Елизавета. Цвета формы елизаветинских любимцев были самого высокого уровня – красный и золотой.

Однако, безусловно, самым востребованным аспектом бытования дискурса царской власти XVII века стало использование уже на заре империи самой идеи пространства как идеальной зоны для формулирования установок самого разного характера (от культурных до политических). Ведь существование топографии, осмысленной в категориях власти, открывало огромные возможности.

При этом здесь немаловажно помнить, что имперский дискурс имел в своем распоряжении уже два культурно-политических центра (Москва и Санкт-Петербург), декларативно восходящих к разным традициям топографии власти (царство и империя), но существующих в постоянном взаимодействии.

Так, с одной стороны, получение престола и отказ от него оказывались легитимными только в пространстве Москвы. Как итог именно в Москве проводятся все имперские коронации. Первоначально именно сюда (а не в Петербург) привозят для отречения от престола царевича Алексея Петровича¹⁸⁷. С другой стороны, столица Московского царства не могла, например, легитимизировать императорский титул, потому Правительствующий сенат и Святейший синод «просили Его Величество, дабы изволил принять на себя Титул Отец Отечества, Император Всероссийский, Петр Великий» в «Соборной Церкви Святыя Троицы» Санкт-Петербурга¹⁸⁸.

Существовали, впрочем, и другие аспекты этого явления. Так, властная топография Москвы пережила в XVIII веке целый ряд попыток перекодировки пространства с царского на имперское. Показательно, например, «освоение» императорским дискурсом пространства все той же Грановитой палаты. Еще во время коронации Екатерины I стены главного царского зала были, выражаясь терминологией этого периода, «убиты сукнами», то есть закрыты шпалерами, а позднее, как упоминалось, темно-вишневым бархатом с изображением двуглавых орлов¹⁸⁹. По всей видимости, летопись династии, вписанная в священную

¹⁸⁶ Каганов Г.З. Тело государыни как фактор истории и культуры (Императрица Елизавета Петровна и строительство Петербурга). С. 41.

¹⁸⁷ Отречение состоялось в Столовой палате Кремлевского Теремного дворца.

¹⁸⁸ Богданов А.П. Указ. соч. С. 347.

¹⁸⁹ См., например: Венчание на царствие Екатерины II. 22 сентября 1762 г. Парадный обед в Грановитой палате. Гравюра А.Я. Калашникова (последняя четверть XVIII в.); Прием 1764 года в Зимнем дворце. Гравюра с рис. М.И. Махаева (вторая половина XVIII в.).

историю, покрывавшая сверху донизу стены палаты, оказалась для XVIII века, с одной стороны, чрезмерной и не слишком актуальной, а с другой – недостаточно имперской¹⁹⁰.

При этом новая столица – Санкт-Петербург – также, вероятно, не представлялась абсолютным репрезентативным пространством. Но здесь, в отличие от Москвы, существовали тенденции обратного порядка, связанные со стремлением добавить городу историко-культурной и духовной традиции, то есть некоторым образом приблизить молодую имперскую столицу к уровню древней Москвы. Именно так, пожалуй, стоит расценивать появившуюся сразу после смерти Петра I и долгое время обсуждавшуюся при дворе идею перенесения ближе к Северной столице Троице-Сергиева монастыря. При этом речь шла не столько о святых, сколько именно о монастыре в целом. На новом месте расположения монастыря были даже начаты строительные работы. И хотя итогом этой дискуссии стало всего лишь появление в пригороде Санкт-Петербурга небольшой Троице-Сергиевой пустыни¹⁹¹, попытки такого рода представляются важными для понимания происходивших процессов.

Впрочем, использование одного из столичных центров или выстраивание взаимодействия между ними было не единственным способом манипуляции пространством. Значительно более ограниченная в этом смысле зона дворца и тронного зала предоставляла существенные возможности для императорского самовыражения.

Одним из подобных методов являлась перекодировка или смена имени того или иного объекта, связанного с концептом власти. Традиция, безусловно, ведет начало с периода царствования Петра Великого, а точнее, с появления государевой усадьбы Ново-Преображенское, название которой было призвано подчеркнуть особое место монаршей власти посредством использования целого комплекса христианских аллюзий¹⁹².

Аналогичный метод был использован после восшествия на престол 13-летнего Петра II, когда Васильевский остров почти на три года превратился в Преображенский остров. А.И. Богданов описывает произошедшие изменения следующим образом: «20 мая 1727 года, в связи с тем, что на Васильевском Острове предполагалось устроить Императорский Двор и „квартиры строить“ для „Гвардии Преображенского Полка“, острову было дано название „Преображенский Остров“. Так он назывался до начала правления Анны Первой, после чего в употребление официально ввели прежнее название – „Васильевский Остров“»¹⁹³. Главное в этом отрывке, конечно, не получение островом наименования, присвоенного ранее полку¹⁹⁴, и даже не очевидное стремление А.Д. Меншикова физически приблизить монаршую власть к собственной резиденции на Васильевском острове, а попытка конструирования образа нового монарха Петра II по образу и подобию его великого предка Петра I, репродуцируя столь значимую для царствования первого русского императора идею Преображения, реализованную на топографическом уровне в селе Преображенское под Москвой¹⁹⁵. Эта попытка, хотя и неудачная (проект фактически не был реализован из-за падения А.Д. Меншикова и

¹⁹⁰ Вместе с тем нельзя не отметить, что столь сложная в символическом отношении структура, как Московский Кремль, с течением времени (особенно со второй половины века) становится слишком сложной топографической зоной для попыток осуществления идеи трансляции империи. Язык царства оказывается на этом участке слишком концентрированным, слишком сложно инвертируемым. Именно поэтому при очевидной потребности использовать это пространство ни один из многочисленных планов по переустройству указанного района в XVIII в. так и не был реализован.

¹⁹¹ Исторический очерк первой-классной Троице-Сергиевской Приморской пустыни. СПб., 1904; Владимир [Котляров В.С.]. Обитель северной столицы: Свято-Троицкая Сергиева пустынь: Исторический очерк. СПб., 2002.

¹⁹² Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. С. 56–60.

¹⁹³ Богданов А.И. Указ. соч. С. 39.

¹⁹⁴ Хотя, безусловно, лейб-гвардии Преображенский полк имел непосредственное отношение к формированию символики власти XVIII в. Об этом см.: Болтунова Е.М. Русская гвардия первой четверти XVIII в.: «борцы с традицией» или «традиционалистские реформаторы» // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 149–170.

¹⁹⁵ Об этом см. подробнее: Зицер Э. Указ. соч. С. 30–65.

последующего переезда Петра II в Москву), представляется тем более знаковой, если принять во внимание то, что императрица Анна Иоанновна, чрезвычайно мало заинтересованная в сохранении образа Петра II, вернула острову прежнее название, а сама поселилась на Адмиралтейском острове, недалеко от императорских резиденций начала века. Кстати, точно так же спустя чуть более десятилетия взошедшая на престол императрица Елизавета, развернувшая активную кампанию по дискредитации правления своей предшественницы Анны Иоанновны, но намеревавшаяся сохранить за собой один из самых красивых дворцов Анны в Подмоскovie – Зимний Анненгоф, переименовала последний по месту его расположения в бывшей усадьбе сподвижника Петра I Ф.А. Головина в Зимний Головинский дворец.

Однако самая интересная история символического переименования топографического объекта относится к началу царствования Екатерины II, а именно к истории «обживания» новой императрицей принципиально чуждого ей пространства Зимнего дворца. Творение Растрелли, созданное и осмысленное (как стилистически, так и идеологически) исключительно в контексте предшествующего елизаветинского царствования, по мнению его новой владелицы, требовало «корректировки», причем не только применительно к функциональному назначению и декору помещений, но и в связи с необходимостью позиционировать иные христианские параллели. В этой связи Большая придворная церковь, посвященная согласно воле императрицы Елизаветы Воскресению Христову, в 1763 году была переосвящена в честь Спаса Нерукотворного образа¹⁹⁶.

Сама идея Воскресения (Воскрешения), появлявшаяся в той или иной мере еще в период правления царя Алексея Михайловича и императора Петра I¹⁹⁷, имела для символики елизаветинского царствования немаловажное значение. Легитимизируя свое появление на троне как «дочь Петрова», императрица Елизавета на символическом уровне постоянно возвращалась именно к этому христианскому концепту. Показательно, например, строительство в 1747–1753 годах в Аничковом дворце церкви во имя Воскресения Христова. В 1751 году церковь была торжественно освящена в присутствии императрицы и всего двора. Стремление посвятить празднику Воскресения Христова еще и Большую придворную церковь Зимнего дворца было явлением абсолютно в духе елизаветинской традиции. Интересно, кстати, что Петр III, взошедший на престол после смерти Елизаветы Петровны, как кажется, намеревался продолжить эту линию: новый император переехал в Зимний дворец 7 апреля 1762 года, накануне дня Светлого воскресенья, а Большая церковь была освящена, как и предполагалось, в честь именно этого праздника¹⁹⁸. Екатерининское видение своего царствования, по крайней мере в первые годы правления, было принципиально другим, основанным скорее на идее Спасения, а потому образ Спаса Нерукотворного оказывался в данном случае куда более символичным.

Не менее эффективной оказывалась манипуляция самим объектом, использование его культурной истории (или ее отсутствия) для выражения конкретной политической позиции.

Показательно, например, каким образом представление об исключительной знаковости топографии Московского Кремля могло оказаться существенным фактором в политических баталиях эпохи дворцовых переворотов. В сложный период борьбы с попытками «верховников» ограничить самодержавную власть зимой 1730 года будущая императрица Анна Иоанновна виртуозно разыграла эту «кремлевскую карту». После приезда из Курляндии в Москву она остановилась в Кремлевском дворце, где оставалась вплоть до коронации. Именно здесь, в Кремле, 23 февраля 1730 года во время службы в Успенском соборе она

¹⁹⁶ Агеева О.Г. Указ. соч. С. 586.

¹⁹⁷ Об этом см.: Бугров А.В. Преображенское и окрестности. Очерки истории. М., 2004. С. 7–40; Зицер Э. Указ. соч. С. 56–60.

¹⁹⁸ Очевидно, что идея Воскресения Христова была воспринята также и сыном Петра III Павлом I, назначившим, как известно, свой коронационный въезд в Москву на Вербное воскресенье, а саму коронацию – на день Пасхи.

наградила орденом Св. Екатерины свою сестру Екатерину Мекленбургскую, указав таким образом на возможное развитие идеи преемственности власти. Кремлевские соборы стали местом принесения Анне присяги высшими военными и статскими чинами, в Кремлевском дворце гвардейцы подали будущей императрице прошение о восстановлении самодержавия, и, наконец, 26 февраля 1730 года в Столовой палате Теремного дворца состоялась процедура подписания «общественностью» манифеста о «принятии самодержавства»¹⁹⁹. Лишь после коронации императрица перебралась в более просторный и, несомненно, более удобный для нужд двора Головинский дворец²⁰⁰. Очевидно, что, если бы переезд состоялся раньше (или Анна с самого начала поселилась на Яузе), события могли принять совершенно иной оборот.

В полной мере использовала традицию символической топографии и Екатерина II. Показательна, например, попытка создания рядом с Царским Селом городка под названием София (с закладкой Софийского собора по образцу Константинопольского)²⁰¹ или формирование резиденции Пелла. При этом если в первом случае речь шла о так называемом Греческом проекте и внешнеполитических амбициях, то во втором – о династических интенциях. Пелла, мыза на реке Неве недалеко от Санкт-Петербурга, принадлежавшая некогда тайному советнику И.И. Неплюеву, была превращена Екатериной в резиденцию, символическое значение которой не стоит недооценивать. Появившееся здесь после рождения великого князя Александра Павловича и обращенное символически именно к фигуре внука и возможного наследника императрицы дворцовое сооружение (И.Е. Старов, 1785–1789) было грандиозным по своему замыслу и восходило к образу древнемакедонской Пеллы, месту рождения Александра Македонского (Великого)²⁰².

Не менее интересной представляется позиция выстраивания топографии власти периода правления императора Павла I, стремившегося активно, если не сказать агрессивно дистанцироваться от топографических ориентиров эпохи Екатерины II. Прежде всего, речь шла об отказе от использования Зимнего дворца и строительстве новой резиденции (Михайловского замка) у набережной Мойки, что, безусловно, было продиктовано стремлением максимально удалиться от центра властной топографии Екатерининского царствования. К тому же место, выбранное под строительство Михайловского замка, занятое прежде Летним дворцом императрицы Елизаветы Петровны, позволяло включить новую резиденцию в контекст прежних (доекатерининских) резиденций русских монархов XVIII века. Более того, фигура императрицы Елизаветы Петровны стала здесь структурообразующим элементом семантического поля. Отсылки к образу дочери Великого Петра присутствовали не только в выборе места для замка, но в декоре помещений. Для оформления плафонов одного из Тронных залов Михайловского замка была использована композиция «Аллегория блаженства царствования Елизаветы Петровны» (Дж. Валериани), находившаяся до того в Большом зале Царскосельского Екатерининского дворца²⁰³, а для оформления плац-парадной площади Коннетабля перед южным фасадом дворца – конный памятник Петру I в образе римского императора. Последний, как упоминалось выше, должен был украсить площадь перед новым Зимним дворцом²⁰⁴. Таким образом, нереализованный проект Елизаветы Пет-

¹⁹⁹ Герцог Лирийский. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII века глазами иностранцев / Подгот. текста Ю.А. Лимонов. Л., 1989. С. 232–236, 240; Манштейн Х.-Г. Записки о России // Перевороты и войны. М., 1997. С. 30–31.

²⁰⁰ Федор Головин и Яузская Москва. С. 43.

²⁰¹ Вильковский С.Н. Царское Село. СПб., 1911. С. 22–24, 230, 267–268; Галкина Т.И., Михайлова Л.Б., Павлова С.В. Отечество нам Царское Село. М., 2003. С. 98–100.

²⁰² Дворец в Пелле: Электронный ресурс: <http://www.rusarh.ru/pelle.htm>. Последнее посещение 15 апреля 2009 года.

²⁰³ Кальницкая Е.Я. Памятник причудливого вкуса // Михайловский замок. СПб., 2004. С. 93–94.

²⁰⁴ Реляция о зданиях. С. 73; План Императорского Зимнего дворца и памятника Государю Императору Петру I на Дворцовой площади (1753 г.) // Франческо Бартоломео Растрелли. Архитектурные проекты из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Каталог / Сост. Г.Б. Васильева, К.В. Житорчук, А.М. Повелкина. СПб., 2000. С. 56.

ровны был отчасти осуществлен Павлом I. Важность актуализации этого контекста, вероятно, была связана с тем, что императрица Елизавета Петровна, фактически воспринимавшаяся как бабушка правящего монарха, была ключевой фигурой для поддержания линии «прадед – правнук», столь значимой для Павла I. В семантическом контексте павловского царствования Елизавета являлась важным звеном между поколениями: она наследовала традицию своего отца, Петра I, и одновременно передавала ее своему внуку, Павлу I, подчеркивала идею абсолюта наследственной власти, устраняя из этого поля не имевшую прав на престол Екатерину II.

Позиция Павла I по отношению к московским дворцам была не просто схожей, а фактически аналогичной: император принципиально отказывался от наследия своей матери. Так, подготовка к его коронации сопровождалась двумя значимыми в символическом отношении акциями. С одной стороны, в 1797 году император купил Бестужевский Слободской дворец на Яузе. Именно этот дворец был выбран в качестве резиденции Павла на период коронации. При этом император принципиально отказался от использования для этих целей расположенного на противоположном берегу Яузы и очевидным образом более нового (отстроенного лишь к началу 1780-х годов) и удобного Екатерининского дворца. С другой стороны, в том же 1797 году архитектору Н. Львову было поручено составить проект реконструкции дворца Елизаветы Петровны в Кремле.

Показательно также и то, что в XVIII веке на идею императорской власти работала не только интенция созидания, но и разрушения, своего рода символической деструкции. Безусловно, первым подобным примером можно считать собственноручное уничтожение Петром I в конце царствования дворца в подмосковном селе Преображенском, что, как указывают современники, являлось для императора неким символом окончания Северной войны²⁰⁵.

Не менее ярким в этом отношении было царствование Екатерины II. Нельзя не согласиться с мнением Д.О. Швидковского, указавшего на то, что разрушение по указу императрицы подмосковного Царицына было связано с самой композицией комплекса, организованного вокруг дворцов государыни и ее наследника Павла Петровича²⁰⁶. Очевидно, что в 1780-х годах ставка на великого князя Павла в борьбе за престол была для Екатерины II не только не актуальна, но и вызывала отторжение, что и спровоцировало исключительно резкую реакцию императрицы.

Этот метод оказался востребованным и в царствование Павла I, стремившегося замкнуть все разнонаправленные символические линии на центральный образ императора (себя) и уничтожить культивируемый Екатериной II образ наследника Александра Павловича. Как результат – все аллюзии, связанные с соположением образов великого князя Александра и Александра Македонского, были выведены из обихода, а екатерининская резиденция Пелла на Неве была разрушена. Такая же участь постигла создаваемый Екатериной II образ великого князя Константина как воплощения основателя Византии Константина Великого, что выразилось, в свою очередь, в уничтожении одного из важнейших элементов ансамбля Царского Села, посвященного победам Екатерины II в войнах против Османской империи Храма Памяти (Ч. Камерон). Храм был частью большого комплекса, олицетворявшего в символическом смысле будущее политическое падение Турции и создание на месте Византии Греческой империи, трон которой и должен был занять второй внук Екатерины

²⁰⁵ Бассевич Ф.Б. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времен царствования Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С. 405.

²⁰⁶ Швидковский Д.О. «Битва дворцов»: архитектура и политика в царствование императрицы Екатерины II // Царицынский научный вестник. М., 2002. С. 187–195. Цит. по: *Schonle A. Ruins and History; Observations on Russian Approaches to Destruction and Decay* // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. № 4. P. 655.

Великой великий князь Константин. Весь строительный материал от разрушенных сооружений направлялся на строительство Михайловского замка.

В целом очевидно, что проявление властного дискурса в пространстве XVIII века во многом совпадало с целым комплексом базовых элементов репрезентации царской власти конца предыдущего столетия. В функционировании объектов, связанных с властью (в нашем случае это дворцы и тронные залы), пространство было по-прежнему маркировано в семиотическом смысле относительно четырехчастной структуры (север – юг – запад – восток), сводившейся в определенных случаях к взаимодействию оппозиций «север – юг», «запад – восток». Не потеряли свое значение универсальные пространственные характеристики («право – лево», «верх – низ», «центр – периферия»), использовавшиеся цветовые иерархии восходили к царской колористике, элементы организации внутреннего пространства имели значение для оформления пространства внешнего.

Вместе с тем новое столетие дискурсивно изменило топографию власти. Идея империи и появление системы, имевшей в основе своей два культурно-политических центра (Москва и Санкт-Петербург), в конечном итоге чрезвычайно расширили само поле власти. Очевиден был и качественный скачок: следствием этих процессов стало появление возможности существования (и сосуществования) нескольких интерпретаций тех или иных властных контекстов и сюжетов, пересечения семантических рядов и смещения при необходимости знаковых акцентов в ту или иную сторону.

Николай Цыремпилов За святую дхарму и белого царя: Российская империя глазами бурятских буддистов XVIII – начала XX века

Перед сумевшим наголову сокрушить силы
черного и желтого фашизма благодаря
благословению досточтимых лам, Трех
драгоценностей, бхагаванов, сугат, истинно
освободившихся будд и бодхисаттв трех
времен и десяти направлений, перед
сущностью высшего благого тела, ума
и добродетельных поступков, перед вождем,
пришедшим во благо живых существ
шести видов, являющихся [нашими]
матерями, перед великим учителем
Сталиным склоняемся в поклоне,
освободившись от горестных страданий
ментального омрачения и наслаждаясь
бытием в человеческом теле, являющимся
высшей ступенью [на пути к Просветлению]!

*Из обращения Бандидо-Хамбо-ламы²⁰⁷
Лубсан-Нимы Дармаина (1890–1956)
к буддистам в связи с открытием
Иволгинского дацана. 1946 год²⁰⁸*

Приведенный в качестве эпиграфа фрагмент является частью документа, появившегося в исторический период, выходящий за рамки этой статьи. Однако его тональность и категории мало отличаются от сочинений более раннего времени, адресованных российским императорам. Явное противоречие между исторической ролью Иосифа Сталина в судьбе буддизма в России – единственной мировой конфессии, чьи институты по его воле перестали существовать на несколько лет в этой стране, и тем восторженным пафосом, в который облечено его имя в данном фрагменте, подводит нас к одному важному наблюдению. Анализ буддийских источников с очевидностью говорит о том, что начиная со времени наиболее ранних контактов буддистов с российской властью империя и император неизменно описываются буддийскими историографами в одних и тех же лестных терминах, несмотря на ограничения, дискриминацию и даже репрессии против буддистов и их институтов. С чем связана эта, на первый взгляд, беспринципная позиция подчиненности и лояльности, является ли она частью некоей общей стратегии? В этой статье на основе письменных источников мы предпримем попытку осмыслить концептуализацию религиозной идентичности, проявленную в нарративном дискурсе самих бурятских буддистов, и опишем их картину мира, в которой иноконфессиональной империи отводилась важная роль.

²⁰⁷ Комбинированный санскритско-тибетский титул для обозначения высшего **выборного религиозно-административного чина Восточной Сибири с 1764 г.**

²⁰⁸ Монгольский фонд Центра восточных рукописей Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук [далее: ЦВРК]. М III-2242. Ф. ir.

Имперский взгляд

Прежде чем приступить к основной задаче, мы должны предпринять экскурс в историю интеграции буддизма в ткань Российской империи и эволюции имперской политики по отношению к буддизму.

Буддисты попали в орбиту имперских интересов еще в начале XVII века, когда в ходе переговоров и обмена посольств с монгольскими Алтын-ханами²⁰⁹ Россия познакомилась с буддийскими ламами, представлявшими интересы монгольских князей и ханов. В дальнейшем, в XVIII веке, в ходе взаимодействия с Калмыцким ханством Россия уже сама пользовалась авторитетом калмыцких буддийских проповедников для отстаивания интересов империи²¹⁰. Выстраивая отношения с калмыками и бурятами и руководствуясь сугубо рациональными доводами, Россия не решилась идти на конфронтацию с буддийскими религиозными специалистами. Так, одним из важнейших условий принятия шерстной присяги²¹¹ забайкальскими бурятами (1689) была нижеследующая договоренность:

В православную христианскую веру их людей, также и самих их тайшей и зайсангов не велено ни крестить и ни принуждать²¹².

Как и в случае с другими пограничными народами, терпимость имперских властей к религиозной инаковости бурят объяснялась соображениями стабильности на далеких границах, находившихся в опасной близости к Цинской империи, официально патронировавшей буддизм. Целесообразность политики терпимости определялась также стремлением наладить стабильный сбор пушнины с ясачного населения. В дальнейшем, даже когда последнее соображение перестало быть актуальным, политическая стабильность в регионе продолжала оставаться важной составляющей в религиозной политике империи в буддийском Забайкалье.

В периоды правлений Петра Великого, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, омраченных репрессивной политикой в отношении нехристианских вероисповеданий, когда даже столь развитая и крупная конфессия, как ислам, имевшая мощного политического патрона в лице османского султана, понесла самые тяжелые потери за всю историю пребывания в составе Российской империи, буддисты продолжали пользоваться относительной свободой религиозной жизни. Более того, в преддверии массовой атаки на татарские и башкирские мечети за несколько лет до начала кампании по насильственному крещению «идолопоклонников» деятельность буддийских религиозных специалистов в среде забайкальских бурят была санкционирована высочайшим манифестом Елизаветы Петровны. И хотя историкам неизвестно местонахождение подлинника или копии этого манифеста, именно его обнаружение стало началом официального признания буддизма в России.

Однако можно ли на этом основании говорить о либеральной политике властей в отношении своих буддийских подданных? Конечно, на фоне сотен разрушенных мечетей и разоренных языческих святынь манифест Елизаветы кажется верхом имперской милости, но следует также учитывать и то обстоятельство, что вместе с формальным признанием факта существования буддийского вероисповедания на своей территории империя ввела доста-

²⁰⁹ Алтын-ханы – князья монгольского племени хотогойтов, населявших территории между Халхой и Западной Монголией. Алтын-ханы еще в начале XVII в. наладили контакты с Россией.

²¹⁰ См. об этом: *Курапов А.А.* Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв. Элиста, 2007.

²¹¹ Изначально шертью именовалась присяга мусульманских правителей на подданство российскому царю. Позднее термином «шерть» стали обозначать и подданные клятвы других нерусских народов.

²¹² *Иннокентий Подгорбунский.* Буряты: Исторический очерк // Байкал: Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2007. № 2 (март-апрель). С. 167.

точно жесткие ограничения, касавшиеся всех сфер религиозной жизни буддистского духовенства. В дополнение к запрету на сношения с монгольскими и тибетскими единоверцами, закрепленному в Инструкции пограничным дозорщикам 1727 года, 14 годами позднее был установлен лимитированный штат буддийского духовенства в размере 150 человек, а также введена высшая мера наказания за «самовольное сношение» с заграничными буддийскими институтами.

Инициаторами признания буддизма на территории империи и в то же время авторами первых ограничительных мер в его отношении стали выходцы из «петровского гнезда» дипломаты Савва Владиславич Рагузинский и Лоренц Ланг, в 1741 году занимавший уже должность иркутского вице-губернатора. Оба этих государственных деятеля в разное время находились в составе российских посольств в Цинскую империю и были, по всей видимости, хорошо знакомы с ролью тибето-монгольских буддистов при Пекинском имперском дворе. Оба осознавали опасность открытых репрессий в отношении буддистов и понимали потенциал влияния этой религии на умы верующих. Предложенная ими независимо друг от друга политика заключалась в осторожном недопущении распространения буддизма за пределы того ареала, в котором он уже утвердился ко времени установления границ в Забайкалье.

Екатерининская эра знаменуется изменением вектора имперской религиозной политики от подозрительного недоверия к заинтересованному диалогу. В своем стремлении превратить Россию в просвещенную державу Екатерина отводила особую роль в деле стабилизации империи религиям и отказалась от насильственных методов обращения, использовавшихся предшествующими монархами: «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковольные сердца»²¹³.

Находясь под глубоким влиянием идеологии немецкого камерализма, императрица руководствовалась прежде всего рациональными мотивами, придерживаясь убеждения, что государственной поддержке достойно любое явление, так или иначе содействующее стабильности и доходам государства, и если религия соответствует этим требованиям, то следует дозволить ее исповедование. В эпоху Екатерины четкое отражение нашло еще одно характерное для российских властей стремление – реорганизовать разнообразные религии империи в упорядоченную структуру по образцу православной патриархии²¹⁴. Как уже не раз отмечалось историками, «в политике, в которой даже господствующая религия была подчинена светским властям со времен Петра, любая конфессия без иерархической организации была немислима»²¹⁵. В дни работы созданной по инициативе императрицы Екатерины Уложенной комиссии религиозный представитель бурят-буддистов Дамба-Даржа Заягийн дважды удостоивался аудиенции у Екатерины и добился высочайшего признания за собой и своими потомками главенствующего положения в нарождающейся буддийской организации и титула Бандидо Хамбо-ламы. В данном случае политика властей совпала с желанием самих буддистов, также стремившихся сформировать каркас своей организационной структуры и нуждавшихся в поддержке властей. Усилия империи по централизации буддийских приходов вполне понятны: имперский центр ставил задачей организовать всех членов религиозной общины под единым и контролируемым началом. В дальнейшем власти всегда стояли на страже эксклюзивного положения, утверждаемого высочайшим рескриптом Бандидо Хамбо-ламы.

²¹³ Ключевский В.О. Русская история. М., 2004. С. 616.

²¹⁴ Именно так формулировали губернские власти религиозную политику в отношении буддизма. См. указ из Иркутского губернского правительства управляющему зайсанской должностью в подгородном роде от 7 декабря 1807 года № 29817: Сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX века. Верхнеудинск, 1926.

²¹⁵ Crews R.D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA; London, England, 2006. P. 50.

В то же самое время характерным для российских властей было и другое: культивирование различий в управлении последователей сходных конфессий. Так, содействуя централизации волжских мусульман в Уфимском духовном управлении, режим сознательно воздерживался от включения в его юрисдикцию мусульман Крыма, Северного Кавказа и Туркестана. Применительно к буддистам этот принцип отразился в том, что если калмыцкая религиозная жизнь контролировалась в основном Министерством государственного имущества, то буддисты Восточной Сибири находились под надзором Министерства внутренних дел, что, вероятно, имело целью недопущение организационной консолидации буддистов России даже в пределах имперских органов управления. Характерные для начала XX века попытки самих бурятских и калмыцких буддистов выступать единым фронтом по актуальным для них вопросам неизменно встречали сопротивление властей²¹⁶.

Каковы бы ни были особенности управления буддистами, важным сдвигом, произошедшим во времена Екатерины в религиозной политике России, явилось осознанное стремление опереться на религии в деле управления подданными, в продвижении инициатив центра на окраинах, в насаждении лояльности империи и защите ее интересов за рубежом. Так, Екатерина рассчитывала, что содействие институционализации ислама среди казахов поможет распространить среди них земледелие и оседлость, торговлю и ремесло. Интересно, что активизация строительства у бурятских буддистов стационарных монастырей совпадает с введением новой религиозной политики Екатерины, что также могло иметь целью навязать бурятам оседлость и земледелие²¹⁷. В дальнейшем власти еще не раз обращались к буддийским чинам за услугами по сбору средств на строительство училищ, для помощи армии на фронтах, борьбы с эпидемиями и неизменно встречали деятельную поддержку со стороны ламства.

Однако и в екатерининское время, и долгое время после него буддизм слыл суеверием, по отношению к которому свободно употреблялся термин «идолопоклонство», официально отмененный лишь в 1903 году. Тем не менее, несмотря на слабое знакомство с доктринальными положениями буддизма и власти, и ученые, и даже миссионеры признавали присутствие в нем некой морально-этической составляющей²¹⁸. Этого было достаточно, чтобы политика Екатерины в отношении ислама была механически перенесена на буддистов. Власти полагали выгодным сформировать «церковь» или форсировать ее формирование, чтобы затем проводить через нее свою политику и влиять на быт и способ хозяйствования кочевых бурят. В то же самое время этого, вероятно, было недостаточно, чтобы доверить буддийскому духовенству функции метрической регистрации или разбора семейных споров, делегированные властями христианскому и мусульманскому духовенству²¹⁹.

²¹⁶ Имеется в виду деятельность бурятского религиозного деятеля Агвана Доржиева на территории Астраханской губернии среди калмыков, начавшаяся в 1898 г. См.: Буддисты в Российской империи в 1917 году (законодательство, описания) / Сост., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапова и Е.В. Доржиевой. Элиста, 2004. С. 23.

²¹⁷ Михаилу Сперанскому приписываются слова, подтверждающие тот факт, что и после Екатерины государственные чиновники рассчитывали на влияние буддизма в деле продвижения земледелия и оседлости среди бурят: «Внушите ламам, что существенная их обязанность есть поощрять земледелие и что сим одним они могут заслужить оказываемые им милости» (Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. / Собраны Вагиным. СПб., 1872. Т. I. С. 272).

²¹⁸ Так, Петр Симон Паллас писал о хори-бурятах: «большая половина из них – настоящие язычники и подвластны своим шаманам; однако учителя Ламайского закону с немалым старанием обращая из них в свое суеверие, сопряженное с некоторым нравоучением, уже успели столько, что учредили между ними своего духовного Гедзиля с двадцатью шестью простыми ламами, а знатнейшие из них Сайсаны, как и сам Тайша, уже несколько онаго закону придерживаются» (*Паллас П.-С. Путешествия по разным провинциям Российского государства*. СПб., 1773–1778. С. 241).

²¹⁹ Подобные функции, в России считавшиеся законной сферой церкви, исторически не были несвойственны буддийским религиозным специалистам. Тем не менее астраханским калмыцким буддистам были поручены судебные разборы брачных дел, однако в начале XX в. астраханские буддисты просили избавить их от этого бремени. См.: Буддисты в Российской империи. С. 29.

XIX век, особенно эпоха Николая I, характеризовался отходом от екатерининского рационального либерализма в сторону упорядоченного наступления на религиозные свободы меньшинств. Как отмечает Ричард Уортман в своем анализе особенностей коронационных торжеств российских императоров XIX века, в глазах российской элиты николаевского времени «толерантное отношение к чужому образу жизни и вере и гордость многообразием владений представляли собой временное, первоначальное состояние в универсальном процессе распространения просвещения»²²⁰. «Ламайское суеверие», в частности, полагалось теперь несомненным злом, но злом, с которым государство вынуждено было считаться, что, однако, отнюдь не означало мириться с ним. Экспедиции Шиллинга фон Канштадта (1826) и Левашева (1851–1852) в Забайкалье, снаряженные для изучения степени влияния буддийского духовенства на бурят, пришли к заключению о неоправданности и даже опасности жестких ограничений в отношении буддийских институтов. Несмотря на это, утвержденное в 1853 году «Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири» поставило буддийские чины в этой части империи «в положение почти узников»²²¹. Так, духовные лица буддистов были лишены права свободного передвижения за пределами очерченных приходов, и даже выезды Бандидо-Хамбо-лам должны были согласовываться с губернским начальством. Штат монашествующих строго лимитировался, а строительство новых культовых зданий взамен пришедших в негодность проводилось только по личному удостоверению губернатора и с разрешения Министерства внутренних дел. Вероучительные школы в буддийских монастырях были фактически поставлены вне закона. В 1888 году с целью недопущения религиозной проповеди буддистов в Иркутской губернии имевшиеся там два дацана были изъяты из ведения Бандидо-Хамбо-лам. Приблизительно тогда же ввели обязательную цензуру всей буддийской религиозной литературы, издававшейся в монастырях или поступавшей из-за рубежа. С 1867 года по рекомендации православного миссионерства в Сибири власти начинают политику продвижения крещеных бурят на административные должности в органах бурятского самоуправления, что привело к серьезным конфликтам внутри Хоринской степной думы²²². В 70-х годах XIX века, в правление генерал-губернатора Синельникова, губернские власти попытались разрушить культовые места бурятских буддистов, причем к выполнению этой задачи они привлекли как крещеных бурят, так и ответственных чинов степных дум²²³.

В периоды, когда Иркутской епархии, иркутскому генерал-губернатору и столичным ведомствам удавалось найти взаимопонимание по вопросу об экспансии православия, бурятские буддисты в особой степени начинали ощущать гнет государственной идеологии, какой не испытывали на себе калмыцкие буддисты²²⁴. Так, благодаря личным связям с обер-проку-

²²⁰ Уортман Р. Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань, 2004. С. 413.

²²¹ Буддисты в Российской империи. С. 18.

²²² Степная дума – наименование органов бурятского самоуправления, введенных «Уставом об управлении инородцев» 1822 г. Михаила Сперанского. Наиболее громким был конфликт буддийского духовенства с Главным тайшой Хоринской степной думы крещеным бурятом Николаем Дымбиловым, высказывавшимся за сокращение штатных лам. Подробно об этом см.: Qori kiged ayu-yin mongyul buriyad-nar-bar angqan yambar siltayan-iyar kerkijü boluysan ba yambar yajar-nud-iyar nituycaju sinuysan bolun yayu-bar ajilan kigsen kiged ali üy-e-de burqan sigemiini-yin sasin-tai bolju dacang dugan üngdürleju sasin-i delgeregsen erte urida-yin bayidal-nud ba yabudal ucir-nud tuqai teiike domuy-i bicigsen qarnud obuun uridayin yuluba budajab buda-yin-bar bolai (История о том, откуда произошли хоринские и агинские буряты, в каких землях кочевали, какой вели образ жизни, когда обратились в веру Будды Шакьямуни, построили дацаны и дуганы и стали распространять свою веру, об их прошлой жизни и событиях, написанная [родовым] головой Будажапом Будаевым) (Монгольский фонд ЦВРК. М 1,2. Ф. 12v-13r).

²²³ Монгольский фонд ЦВРК. М 1,31. Qpri-yin arban nigen ecige-yin uy ijayur-un tuyuji. Ф. 28v-33r.

²²⁴ По справедливому утверждению Диттмара Шорковица, калмыцкие буддисты, находившиеся в ведении Министерства государственного имущества, были в большей степени защищены от политики Русской православной церкви

рором Священного синода Константином Победоносцевым и его креатурой на посту генерал-губернатора А.Д. Горемыкиным архиепископ Вениамин с 1885 года получил возможность начать новую энергичную кампанию по крещению бурят. Немецкий исследователь Дитмар Шорковиц утверждает, что наибольших успехов эта кампания достигала в периоды посещения Сибири сначала императором Александром II (1873), а затем цесаревичем Николаем (1891)²²⁵.

И все же даже самым энергичным сторонникам наступательной политики в отношении буддизма в империи имелся серьезный противовес. Как и в случае с исламом, к которому империя применяла две разновекторные политики, имевшие цель насадить порядок в среде мусульманского населения внутри страны и поднять престиж российской власти в глазах мусульман соседней Османской империи, буддисты также стояли в центре конкурентной борьбы различных политических доктрин и ведомств. Пропорционально увеличению доли участия России в Большой игре за влияние в Азии усиливалось и сопротивление Министерства иностранных дел инициативам Министерства внутренних дел и Иркутской епархии. Так, во многом благодаря позиции МИДа буддистам удалось сломить воинственную оппозицию православных консерваторов и черносотенцев и построить первый в Европе буддийский храм «в сердце православной столицы». Для успешной политики в Монголии, Маньчжурии и Тибете Россия нуждалась в репутации защитницы буддийской Дхармы. При этом следует учитывать, что и МВД часто не проявляло заинтересованности в особо агрессивных планах Иркутского епископата, опасаясь ухудшения ситуации в приграничных районах проживания буддистов.

Столь усложненная система, в которой существовала буддийская церковь в Российской империи, таила для нее как опасности, так и преимущества. Очень многое зависело и от личных отношений буддийских иерархов с губернскими и столичными чинами, академическими кругами, многие вопросы решались через ведомственные противоречия, путем лоббирования и взяток. В таком виде ситуация сохранялась вплоть до 1903 года, когда под давлением общественности Николай II принял Манифест о веротерпимости от 26 февраля 1903 года, а затем и Указ о началах веротерпимости от 17 апреля 1905 года, в которых государство декларировало готовность пересмотра Положения 1853 года. К концу империи даже в Министерстве внутренних дел это Положение оценивали как «не отличающееся однородностью, согласованностью основ, на которых оно построено» и предлагали разработать новый устав «на началах провозглашенной в России национальной и вероисповедной свободы»²²⁶. Еще одним важным сдвигом в отношениях империи с буддийскими подданными явился отказ государства от использования термина «идолопоклонники» в отношении последних. Либеральные законные акты дали крещеным бурятам право свободного выбора вероисповедания, что вызвало их массовый переход из православия в буддизм. Многолетние усилия консервативных кругов империи по христианизации бурят были сведены на нет.

Эти серьезные сдвиги в религиозной политике империи вызвали кратковременный расцвет буддизма в России, который, впрочем, был вскоре прерван, а буддийские институты второй трети XX века подверглись практически полному уничтожению пришедшими к власти большевиками.

(*Schorkowits D. The Orthodox Church, Lamaism, and Shamanism among the Buriats and Kalmyks, 1825–1925 // Of Religion and Empire: Missions, Conversions, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. by Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky. Ithaca, 2001. P. 216).*

²²⁵ Ibid. P. 212.

²²⁶ Буддисты в Российской империи. С. 35.

Империя глазами буддистов

В научной литературе существует мнение, что буддизм²²⁷ внутри себя самого «никогда не осознавался как единое символическое пространство»²²⁸ по примеру концепций христианского мира или *Dar-al-Islam*. Это весьма справедливое утверждение должно, впрочем, сопровождаться оговоркой: в каждой из локальных традиций буддизма культивировались представления о географии распространения буддийского учения и восприятие этих территорий как своего рода *pax buddhica*. Так, в тибето-монгольской буддийской историографии существует устоявшееся представление об «укрошенных землях» (тиб. ‘dul zhing; монг. *potuqadqaydaysan orun*), то есть пространствах и заселяющих их народах, воспринявших дхарму²²⁹ со всем комплексом этических норм и религиозных представлений. Рассуждая о роли буддизма в изменении идентификационных практик монгольских племен, интегрировавшихся в состав Цинской империи, Йоханн Эльверског пишет: «[В] источниках цинского периода история буддизма и его отношение к монголам помещается в мировой исторический континуум, который, в свою очередь, находит свою кульминацию в общности монголов, воспринимаемой лишь как часть буддийской Цин»²³⁰.

Как и в случае с другими мировыми религиями, «буддийский глобализм» в определенной мере содействовал возникновению и экспансиям империй, создающих благоприятную среду для дальнейшего расширения проповеди.

Концепт буддийского мира естественным образом предполагал существование небуддийских земель, в отношении которых в тибето-монгольской буддийской историографии используются термины «окраинные земли» (тиб. *mtha’ ‘khob*; монг. *kijayar ujar-tu ulus*), «сумрачные края» (тиб. *mtha’ ‘khob tip pa’i yul*; монг. *qarangqui kijayar-tu orun*), а в отношении населяющих их людей – «придерживающиеся неверных взглядов» (тиб. *log pa’i lta ba san*; монг. *buruyu üjelten*), «придерживающиеся взглядов о перманентности бытия» (тиб. *rtag ‘dzin pa*; монг. *möngke busu ijel tebciqid*)²³¹.

Цивилизационная миссия буддизма, следовательно, заключается в донесении истинного учения и правильных представлений о бытии и спасении до заблуждающихся, недобродетельных и невежественных. В бурятских исторических летописях эта мысль находит особенно яркое подтверждение²³². О своем добуддийском прошлом бурятские летописцы высказываются в крайне негативном духе; «В прошлые времена буряты поклонялись мир-

²²⁷ В современной научной литературе уже не раз отмечалось, что конкретный смысл термина «буддизм» определить проблематично, поскольку сложно четко очертить круг характеристик, объединяющих в некое концептуальное целое различные религиозные традиции, которые принято называть его региональными формами. Вероятно, одной из базовых характеристик такого рода (также, впрочем, не абсолютно универсальной) является историографическая традиция этих самых региональных форм, возводящая каждую отдельную традицию к Будде Шакьямуни.

²²⁸ *Агаджанян А.С.* Дхарма и империя: Основы и пределы сакрализации власти в буддийской политической традиции // *Сакрализация власти в истории цивилизаций.* М., 2005. Ч. II, III. С. 149.

²²⁹ Дхарма – многозначный религиозный и философский термин индийского происхождения. Одним из основных значений этого термина является учение или религиозная доктрина. В буддизме, соответственно, дхарма относится исключительно к учению Будды Шакьямуни.

²³⁰ *Elverskog J.* *Our Great Qing: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China.* Honolulu, HI, 2006. P. 11.

²³¹ Бренность, непостоянство феноменов бытия является центральным убеждением буддистов.

²³² Бурятские исторические хроники – интереснейший корпус источников по истории интеграции бурят в состав Российской империи. Наиболее ранние датируются концом XVII в., но большинство самых известных сочинений этого рода были составлены в 60-80-х гг. XIX в. представителями бурятской родовой аристократии и чиновниками (действовавшими и отставными) органов самоуправления: селенгинских (составитель И. Ломбоцыренов, 1868), хоринских и агинских (Т. Тобоев, 1863; В. Юмсунов, 1875; Ш.-Н. Хобитуев, 1887), баргузинских (Ц. Сахаров, 1887) бурят. Наиболее поздние хроники датируются первым-вторым десятилетиями XX в.

ским демонам, которых называли онгоны²³³. Они приносили им кровавые жертвы, лишая жизни лошадей и овец²³⁴. Нравы отличались жестокостью и грубостью, срок жизни был длинен, а тело крупно, люди обращались друг с другом как вздумается, с большим пренебрежением»²³⁵.

Отмечается склонность людей к насилию, осуждается воинственность и диктат закона силы: «Объединяясь род с родом, семья с семьей, силой отбирали у слабых соседей скот и имущество. По мере сил старались иметь луки, стрелы, колчаны, панцири, шлемы и прочее, готовили боевые отряды и вооружение. Оружие они носили с собой и творили между собой грабежи и убийства»²³⁶.

Заслуга буддийского учения заключается, по мнению бурятских летописцев, в формировании четких этических представлений и нравственных ориентиров. Предполагается, что в добуддийском прошлом буряты не знали четких отличий между тем, как следует поступать, и тем, как не следует. Кроме того, особое значение придается количеству монашествующих как главному признаку укорененности буддизма: «В дальнейшем все больше распространялась религия Будды. Больше становилось лам и хувараков, на монгольский язык переводились великие буддийские трактаты. Знакомясь с ними, люди начинали понемногу понимать разницу между добродетелями и грехами»²³⁷.

При этом буддизм, как известно, никогда не предполагал сколько-нибудь детальной регламентации жизни мирян, целиком сосредоточившись на соблюдении правил монастырской жизни. Как отмечает российский буддолог А. Агаджанян, рассуждая о мирской этике буддизма, «чрезвычайная регламентация монастырского общежития и культа всегда резко контрастировала с рыхлостью и мягкостью правил мирского обустройства»²³⁸. В этом состоит особенность буддизма как религии, резко контрастирующая с легализмом ислама или иудаизма. Именно общая и абстрактная этическая программа, опирающаяся на философские положения о кармическом воздаянии и непостоянстве феноменов бытия, фактически вводит обращенных в лоно «буддийской цивилизации». Следствием этого, по утверждению самих буддистов, является нравственное оздоровление людей. Законопослушность полагается если не эксклюзивной, то, по крайней мере, характерной чертой буддистского населения, результатом усвоения верующими идей универсальной кармической причинно-следственной взаимозависимости:

...очевидно, что среди инородцев появилось множество преступников, нарушающих государственные законы, сидящих в тюрьмах и высланных на поселения. Среди нас же, бурят, заключенных в тюрьмы и ссыльных очень мало. Отсутствие таких людей [среди бурят] и, как следствие, незначительное число преступников – очевидно. То, что [среди нас] очень мало распущенных людей, вредящих себе и окружающим, – исключительно результат заветов родителей и старейшин о необходимости воздерживаться

²³³ Онгон – символическое изображение или предмет, который по верованию монголоязычных шаманистов являлся вместилищем духа предков.

²³⁴ *Byang phyogs bstan pa'i gsal byed rje btsun dam pa paNDi ta dza ya mkhan po bstan pa dar rgyas dpal bzang po'i rtogs brjod mdor bsdus dad pa'i nyin byed 'dren pa'i skya rengs gsal ba zhes bya ba bzugs so* (Краткое жизнеописание высокоотцимого пандиты Зая-хамбо Дамба-Дарчжай-Балсанбо, называющееся «Светлая заря, предваряющая восход дневного светила веры»): Library of Tibetan works and archives (Dharamsala, India). № 17310. F. 121 (63 г). Автором сочинения является Агван Доржиев (1854–1938), выдающийся религиозный и общественный деятель конца XIX – первой трети XX в. Биография написана в жанре тибето-буддийской агиографии (намтар).

²³⁵ *Qrqi-yin arban nigen ecige-yin ur ijayur-un tuyujij* (История о происхождении одиннадцати хоринских родов): Монгольский фонд ЦВРК. М 1,31. Ф. 78.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Агаджанян А.С. Указ. соч. С. 151.

от дурного и творить добродетель, освященных завещанной нам предками драгоценной религией, и традиция следования этим заветам.

Если усердствовать во внимании этим поучениям, в донесении их до молодых сердец и в следовании им, то в этой жизни не останется места для дурного, не обретется позорного имени, но зазвучит по всему свету благозвучное имя спокойного и честного народа, утвердятся высокий фундамент веры в высоких святых и даже в будущем, безусловно, будут найдены благоприятные рождения, исполненные счастья и блаженства²³⁹.

В отличие от буддистов Цинской империи, которая сформировалась посредством политического альянса с буддийской идеологией и поставила в свое основание идею о патронаже этой религии, буддийские проповедники, проникшие в Забайкалье, попали на территории, в которых буддизм еще не был в достаточной мере укоренен, население следовало шаманистским культам, а власть, контролировавшая эти территории, была иноконфессиональной. Если проблема противостояния буддизма с добуддийскими культурами и представлениями в бурятской традиционной историографии сформулирована достаточно четко и однозначно, то вопрос о православии принято было обходить корректным молчанием. Христианство, воспринимавшееся как «государево дело», стало своего рода табуированной темой во всех бурятских летописях, но в описаниях распространения буддизма на территории империи иногда можно встретить подобные пассажи: «...многие столичные чиновники, исповедовавшие религию, противоречащую Учению Царя Шакъев (буддизму. – *Н.Ц.*), не желали распространения нашей веры»²⁴⁰.

Государственная религия империи, в границах которой оказались буряты, воспринимается ими как «противная религии Будды», а высшие власти (император в этой связи, однако, не упоминается) не желают ее распространения, а точнее, закрепления на уже завоеванных территориях.

Теория распространения религии на новых пространствах предполагала задействование стратегии, обозначаемой концептуальным буддийским термином *ир̄ау* (тиб. *thabs mkhas*; монг. *bilig-tü агу-а*) – «искусные методы»²⁴¹. Стратегия предполагала владение, наряду с религиозными знаниями, и политической теорией. Так, в жизнеописании первого Бандидо-Хамбо-ламы Заягийна цитируется некое стихотворное послание одного из высших буддийских иерархов Тибета Панчен-ламы Лобсан-Ешей (1663–1737)²⁴², написанное им в ответ на вопросы Заягийна о методе распространения дхармы в «окраинных землях»:

Для содействия зарождению уважения со стороны российского императора и его министров к драгоценному Учению Победоносного (буддизму. – *Н.Ц.*) следует быть искусным в двух традициях [религии и политики], кроме знания религии, необходимо понимать и законы страны. Для того чтобы сделать царя и [его] министров союзниками в

²³⁹ Mongyul-buryad qamiy-a-aca tasuraju yambar орун-а али сая-ту кен қаян-тай саяуһсан теригүн-и тобци қуриһайһсан теһке бисиг оһусибә (Краткое историческое сочинение о том, откуда, изначально отделившись, пришли монгол-буряты, когда это произошло и во власти какого хана они теперь пребывают): Монгольский фонд ЦВРК. М 1,46. Ф. 5 г. Данное сочинение стилизовано под историческую хронику, но в реальности является нравственно-дидактическим очерком, написанным под сильным буддийским влиянием.

²⁴⁰ Byang phyogs bstan pa'i gsal byed. Ф. 113 (59 г).

²⁴¹ Санскритский термин *ир̄ау* в первую очередь относится к сфере буддийской религиозной практики, где обозначает совокупность техник, позволяющих практикующим достичь особого состояния религиозного прозрения – *праjna*.

²⁴² Панчен-лама – второй по значимости после Далай-ламы религиозный иерарх тибето-монгольского буддизма. Считается эманацией Будды Амитабхи. Лобсан-Еше считается вторым (по другой традиции пятым) представителем этой линии.

распространении Учения Победоносного, следует усердствовать в этом, используя множество методов²⁴³.

Сохранение и продвижение дхармы, по мысли буддийских элит, возможны только при наличии условий для этого со стороны властей. Из вышеприведенного фрагмента мы видим, что меры по преодолению неблагоприятной конъюнктуры начинаются с попыток обращения императора, как это не раз уже происходило в истории экспансии буддизма в Азии. Так, в истории империи Цин принято говорить о том, каким образом использовался буддизм маньчжурскими императорами для легитимации своего верховного положения в глазах монголов и тибетцев, однако столь же справедливым, хотя и не так часто проговариваемым, является утверждение об успешном использовании имперской силы буддистскими элитами для экспансии буддизма во Внутренней Азии. Установка на обращение в буддизм российского императора или объявление буддизма государственной религией России, несмотря на всю ее невероятность, всегда присутствовала на заднем фоне истории взаимоотношений буддийских иерархов с российскими монархами и даже проявлялась в историографической традиции: «Когда наши предки из Халха Монголии признали власть православного русского Белого царя-богатыря и вступили под его покровительство, царь был тому рад и, признав нашу религию, утвердил ее второй религией государства»²⁴⁴.

Реальность, тем не менее, была несколько иной, и действительная задача буддийских элит заключалась в том, чтобы «сделать царя и его министров союзниками». Особенное символическое значение имели личные аудиенции буддийских иерархов у российских императоров. Впервые это произошло в 1767 году, когда делегированный бурятами в качестве депутата для участия в Уложенной комиссии Дамба-Даржа Заягийн дважды удостоивался встречи с императрицей Екатериной. Огромное значение, которое придавали этому событию бурятские историографы, иллюстрируется тем фактом, что его описание имеется в большинстве бурятских летописей. При этом подчеркивалось то, что Заягийн имел личные беседы с императрицей о «благополучии религии и подданных»²⁴⁵, что по ее просьбе им было составлено описание мест его знаменитого паломничества и что в «благодарность за усердие в распространении веры» ему была преподнесена медаль, «изготовленная из всевозможных драгоценностей»²⁴⁶.

То значение, которое придавали буддисты связям с императорским двором, подтверждается также многочисленными упоминаниями милостей, которых они удостоивались. К милостям буддисты причисляли даже формальные разрешения на строительство храмов и монастырей или подтверждения титулов буддийских иерархов. Историографы неизменно отмечали, что «сам царь утверждает назначение Бандидо-Хамбо-лам» или что от самой «великой императрицы пришло милостивое соизволение на постройку храма»²⁴⁷. В биографии Хамбо-ламы Даши-Доржо Итигэлова (1852–1927) императору Николаю II приписываются такие слова: «Я всегда отношусь к бурятам с особым милосердием»²⁴⁸. Сторонние наблюдатели также отмечали стремление буддийской пропаганды провести ассоциативную связь между своей религией и фигурой высшего правителя империи. Так, в связи с активностью видного буддийского деятеля Агвана Доржиева А.И. Термен писал:

²⁴³ *Byang phyogs bstan pa'i gsal byed*. Ф. 118–119 (61v–62r).

²⁴⁴ *Rinchen B. Four Mongolian Historical Records / Ed. and translated by Dr. B. Rinchen // Mongol pitaka. Vol. 2 (Indo-Asian Literatures) // Satapitaka / Ed. by Prof. Dr. Raghu Vira. New Delhi, 1959. Vol. 11. P. 127. Цит. по: История бурятского буддизма: письменные источники. Улан-Удэ, 2006. С. 78.*

²⁴⁵ *Byang phyogs bstan pa'i gsal byed*. Ф. 125 (65 г).

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ *Itegel-iin qambun nam tar* (Биография хамбо Итигэлова): Монгольский фонд ЦВРК. М 1,279. Ф. зг. В биографии Итигэлова содержится описание аудиенции бурятской делегации у Николая II в дни празднования 300-летия Дома Романовых.

Постоянным своим пребыванием в Петербурге и ежегодными наездами на окраины с проповедью буддизма он (Агван Доржиев. – *Н.Ц.*) постепенно переносит центр тяжести буддизма в Петербург, чем в глазах населения придает буддизму новую окраску, и теперь ходят слухи о том, что «царь для Доржиева приказал построить великолепный дацан рядом со своим дворцом», что «у самого царя во дворце живут ламы», что «царь очень сочувствует ламаизму²⁴⁹ и хочет, чтобы все буряты были ламаитами», упорно циркулируют в народе²⁵⁰.

Эффективное использование имени императора отмечалось и православными миссионерами, которые даже призывали власти отменить правило о высочайшем утверждении представленной кандидатуры на должность Бандидо-Хамбо-ламы, вкладывая в уста своих соперников слова о том, что «их вера утверждена Государем Императором» и что «царь велит им быть в своей бурятской вере»²⁵¹. Очевидцы свидетельствовали также: распоряжение императора Николая I о том, что утвержденное им Положение о ламайском духовенстве 1853 года не должно быть внесено в Свод законов Российской империи, самими ламами толковалось следующим образом: «Будучи справедливым, государь чувствовал некоторую суровость Положения, проникнутого отчасти духом подозрительности к буддизму, а потому с неохотой утвердил Положение и запретил вносить его в свод законов в надежде, что оно будет временным»²⁵².

Православные миссионерские очерки изобилуют обвинениями в адрес буддийского духовенства, относящимися к сфере интерпретаций событий в выгодном для себя свете, как в следующем фрагменте:

Даже посещение края Его Императорским высочеством Великим Князем Алексеем Александровичем ламы сумели истолковать в свою пользу. Августейший Путешественник удостоил посещением Онинскую кумирню²⁵³ и принял от тамошнего ламства подарки. Из этого милостивого внимания к бурятскому обществу, читаем в отчете, «ламы вывели заключение, что Великий Князь через принятие от ламаитов подарка одобрил их веру, а пребывание Его Высочества в дацане с открытою головой объяснили благоговением к их храму»²⁵⁴.

Несомненной частью этого процесса являлось и введение фигуры российского монарха в сферу сакральных буддийских символов, наделение его атрибутами дхармического властителя в индо-буддийской культурной парадигме. В гимнах и славословиях, адресованных монарху, его нередко именуют традиционными индо-буддийскими эпитетами чакравартина²⁵⁵, дхармараджи²⁵⁶, воплощением Индры и Вишну, ему приписываются функ-

²⁴⁹ Устаревшее обозначение тибето-монгольского буддизма.

²⁵⁰ Термен А.И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области // Байкал: Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2007. № 5. С. 133.

²⁵¹ Вениамин, архиепископ Иркутский и Нерчинский. Ламское идолопоклонническое суеверие в Восточной Сибири. Цит. по: Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века. С. 76.

²⁵² Птицын В. Буддизм в Забайкалье. Из личных наблюдений туриста // Вестник Европы: Журнал истории, политики, литературы. 1892. т. 153. с. 174–175.

²⁵³ Устаревшее название Анинского дацана – одного из крупнейших буддийских монастырей Забайкалья.

²⁵⁴ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских Ведомостей. СПб., 1897. С. 490.

²⁵⁵ Чакравартин (букв. «Вращающий Колесо [дхармы]») – в представлении буддистов идеальный правитель, осуществляющий свое правление в строгом соответствии с принципами учения Будды.

²⁵⁶ Дхармараджа (букв. царь дхармы) – древнее индийское обозначение справедливого, праведного правителя, божественных хранителей или авторитетного религиозного учителя.

ции защитника и распространителя буддийского учения: «Да укрепится здоровье великого монарха, владыки людей, распространяющего силой истины учение Победоносного, распространится, словно молодой месяц, благой закон древних монархов и наслаются его совершенным великолепием все живые существа!»²⁵⁷

Апофеозом этого процесса сублимации российского императора в буддийской традиции стало якобы имевшее место в 1767 году объявление Императрицы Екатерины II воплощением бодхисаттвы²⁵⁸ Тары²⁵⁹ в белой ее ипостаси. Это событие не находит подтверждения ни в бурятской летописной традиции, ни в сочинениях по истории буддизма, но отражено в песенном фольклоре бурят²⁶⁰. В буддийской сакральной географии различные части *рах буддхика* находятся под покровительством высших бодхисаттв Махаяны, а потому реверанс бурятских буддистов в сторону Екатерины Великой (если он действительно является исторически достоверным событием) может рассматриваться и как попытка ввести Россию в «содружество» буддийских стран, и как стремление сблизить фигуру императора со своей религией.

Все это, несомненно, отражает попытки представителей буддийской сангхи²⁶¹, по выражению В.В. Трепавлова, «встроить систему новой власти в привычную систему представлений о верховном правлении и государственности»²⁶². Но, с точки зрения буддийских историографов, эти идеи, репрезентации и пропаганда являлись частью *ирѣуа*, или метода распространения дхармы, использованием властной структуры для продвижения интересов дхармы, как того требовала цивилизационная миссия буддизма.

Концепт империи имел особое значение для буддистских проповедников, пришедших в пределы России из Цинского государства, поставившего в основу стратегии своей экспансии патронирование буддийской дхармы в тибето-монгольской традиции гелуг²⁶³. Ведь во многом именно альянсу маньчжуров с буддистами Цинская империя обязана своим стремительным восхождением и расширением далеко за пределы ханьской Поднебесной. Для буддизма, долгое время существовавшего на скромных мощностях кланово-родовой структуры Тибета и Монголии, империя маньчжуров представила возможности экспансии и вкладывала средства в развитие монастырской системы.

Российская империя, как и Цинская, безусловно, представляла собой поле возможностей для буддийской сангхи. Ламы нуждались в империи так же, как империя нуждалась в них (о чем мы говорили выше). С момента первых попыток строительства устойчивых религиозных институтов буддисты стали проявлять живую заинтересованность в санкционировании этих институтов со стороны империи не только на региональном уровне, но и в лице верховной власти. Так, при учреждении первого стационарного монастыря бурят-монгольские племена цонголов²⁶⁴ обратились в Чикойское управление Селенгинского воеводства

²⁵⁷ Kūcūn-iyer kūrūdūn-i orciyuluyci tngri ejen boyda imperatur qoyaduyar aliksandari qayan-u ōlimi batudquyin jalbaral nasun doγ-yi nemegūligci kemegdekii orusiba (Молитва за здоровье божества, вращающего своей мощью колесо, могущественного господина Императора Александра II под названием «Умножающая срок жизни»): Монгольский фонд ЦВРК. МПШ, 923. Ф. 2v. Несколько сочинений такого рода были составлены по заказу имперских властей. В буддийских монастырях проводились регулярные службы за долголетие российских монархов и членов их семей.

²⁵⁸ Бодхисаттва – человек или божество, согласно верованию буддистов находящееся на продвинутых стадиях пути к состоянию Будды.

²⁵⁹ Тара – самое популярное в буддизме Махаяны женское божество. Может иметь 21 форму, среди которых наиболее популярны белая и зеленая. Белая Тара, по убеждению буддистов, способна даровать долголетие.

²⁶⁰ Тулохонов М.И. Бурятские исторические песни. Улан-Удэ, 1973. С. 100.

²⁶¹ Сангха – санскритский термин, обозначающий общину верующих (монахов и мирян) буддистов.

²⁶² Трепавлов В.В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 199.

²⁶³ Гелуг, или гелугпа – название главенствующей в тибето-монгольском буддизме школы, или традиции.

²⁶⁴ Цонголы – монгольское племя, вошедшее в состав бурятских родов в конце XVIII в.

за официальным разрешением на постройку первого стационарного храма. Однако данное ведомство посоветовало просителям адресовать свою просьбу для «высочайшей конфирмации», что и было сделано. Несмотря на то, что постройка храма была закончена до прихода официальных разрешений, показательно, что в вопросе, относящемся к юрисдикции государства, инициативу проявили сами буддисты. При этом они придавали большое значение тому, что постройка первого монастыря была санкционирована верховной имперской инстанцией. Такого рода разрешения имели для буддистов огромное символическое значение: «Из столицы России – города Москвы, из самого Кремля, от великой императрицы пришел письменный ответ с разрешением. Вы вышли встречать это поистине золотое письмо и таким образом получили соизволение от самой царицы...»²⁶⁵

На первом этапе необходимость в санкциях со стороны империи диктовалась межклановой конкуренцией за контроль над этими институтами. К середине XVIII века на территории Южного Забайкалья фактически возникло два конкурирующие центра институционализации буддизма и два лидера, претендовавшие на монополию в вопросах управления сангхой, посвящения в монахи неофитов и официальных сношений с властью. Оба центра рассматривали в качестве конечного арбитра своих разногласий имперскую власть на самых различных уровнях. Империя служила регулятором, посредником и последней инстанцией в спорах и конфликтах, неизбежных для формирующихся институтов. Участие в работе Уложенной комиссии, личные аудиенции у Екатерины II и подписанный ею документ о признании титула Бандидо-Хамбо-ламы поставил окончательную точку в противостоянии Дамба-Даржа Заягийна с Жимбой Ахалдайном, пытавшимся оспорить верховенство этого титула. Но после смерти Заягийна в 1777 году спор разгорелся с новой силой – теперь в связи с наследованием титула Бандидо-Хамбо-ламы, верховенство которого уже никто не ставил под сомнение. Тяжба длилась почти два десятка лет, и ее разрешения обе стороны искали как у провинциальной канцелярии, так и у губернской администрации. Последняя выступила как окончательный арбитр, присудив право управления буддистами потомкам Жимбы Ахалдайна. Цонгольский дацан²⁶⁶ в целом признал если не справедливость, то окончательность данного решения, подтвердив тем самым право имперских властей выступать в роли высшего судьи в решении подобных конфликтов. Данный пример является прекрасной иллюстрацией того факта, что в условиях, когда сама империя еще не выработала внятной политики и технологии управления своими буддийскими подданными, сами буддисты подтолкнули ее к регулированию отношений внутри своей организационной структуры. Подчиненное положение по отношению к государственной власти было характерно для буддизма в целом. Нормативным считалось, что император, даже не являющийся буддистом, становится «высшим источником религиозного авторитета (помимо светских властных функций)». Высшие представители сангхи находили справедливым, что «„духовный институт“ остается пассивным объектом царского регулирования». Для них это являлось «зримым подтверждением (и в этом смысле дополнительной легитимацией) причастности правителя к высшим буддийским ценностям»²⁶⁷.

²⁶⁵ Rang cag mams la bka' drin lhag par du ehe ba dza ya mkhan po rin po ehe bstan pa dar rgyas dpal bzang po'i gsol 'debs bsam pa lhun grub (Молитва Драгоценному Зая-хамбо Дамба-Даржа Балсанбо, оказавшего нам чрезвычайную милость под названием «Самовозникшая мысль»): *Очиров Б., Очирова Ц.-Х.* Некоторые материалы о жизни и деятельности Дамба-Даржа Заяева // *Культура Центральной Азии: письменные источники*. Улан-Удэ, 2000. Вып. 4. С. 116. Сочинения в жанре солдэб или молитвословий нередко адресовались выдающимся религиозным деятелям.

²⁶⁶ Цонгольский дацан – первый стационарный буддийский монастырь в Забайкалье. Был административным центром бурятских буддистов до конца XVIII в.

²⁶⁷ *Агаджанян А.С.* Указ. соч. С. 167.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.